BE312
1618

РАЗОБЛАЧЕНІЯ КНЯЗЯ ЛИХНОВСКАГО.

МОЯ МИССІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ

1912-1914 г.г.

Воспоминанія

КНЯЗЯ ЛИХНОВСКАГО,

бывшаго германскаго посла въ Лондонѣ.

1918

МОЯ МИССІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.

РАЗОБЛАЧЕНІЯ КНЯЗЯ ЛИХНОВСКАГО.

МОЯ МИССІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ

1912-1914 г.г.

Воспоминанія

КНЯЗЯ ЛИХНОВСКАГО,

бывшаго германскаго посла въ Лондонѣ.

Переводъ съ нѣмецкаго

подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. НОРДМАНА,

кандидата экономическихъ наукъ.

1918

1 экз

1987

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

BE312
Л618

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

805331

006
71

ср
2[illegible]

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

АВТОРЪ печатаемаго ниже очерка, князь Карлъ, Максъ Лихновскій, принадлежитъ къ знатному германскому роду, владѣющему крупными помѣстьями какъ въ Германіи такъ и въ Австріи и имѣющему право посылать своего представителя въ Прусскую Верхнюю Палату и Прусскій Ландтагъ.

Отецъ князя Лихновскаго, носившій тотъ же титулъ, былъ прусскимъ генераломъ; въ концѣ своей жизни онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ членомъ Рейхстага отъ партіи свободныхъ консерваторовъ.

Дядя князя Лихновскаго, князь Феликсъ, былъ въ 1848 году избранъ представителемъ отъ Ратибора въ Германское Учредительное Собраніе въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ правого крыла. Во время сентябрьскаго возстанія, при проѣздѣ вмѣстѣ съ генераломъ Ауерсвальдомъ по окрестностямъ города, онъ подвергся нападенію толпы и былъ убитъ.

Самъ князь Лихновскій свою служебную карьеру началъ въ прусской арміи и, дослужившись до чина маіора, перешелъ въ дипломатическое вѣдомство. Въ 1885 году онъ былъ прикомандированъ на короткое время къ

Германскому Посольству въ Лондонѣ, а затѣмъ назначенъ совѣтникомъ Посольства въ Вѣнѣ. Послѣ 1899 г. князь Лихновскій занимался въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Берлинѣ, гдѣ получилъ званіе Полномочнаго Министра.

Въ 1904 г. онъ бросилъ службу и поселился въ своемъ помѣстьѣ въ Силезіи, гдѣ, по его собственнымъ словамъ, въ теченіи восьми лѣтъ жилъ настоящимъ помѣщикомъ, много читалъ и иногда выступалъ въ печати съ небольшими статьями по политическимъ вопросамъ.

Обстоятельства его назначенія, послѣ смерти Маршала фонъ Биберштейна, посломъ въ Лондонѣ, подробно описаны имъ самимъ въ печатаемой ниже брошюрѣ.

Баронъ Маршалъ, бывшій Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ во время канцлерства графа Каприви и нѣкоторое время при князѣ Гогенлое, дѣйствовалъ весьма успѣшно какъ въ качествѣ посла въ Константинополѣ, такъ и (съ нѣмецкой точки зрѣнія) въ качествѣ германскаго полномочнаго Представителя на 2-ой Гаагской Конференціи. По мѣткому выраженію Бисмарка баронъ Маршалъ „былъ лучшей лошадью въ германской дипломатической конюшнѣ.“ Естественно поэтому, что на его пребываніе въ Лондонѣ возлагались большія надежды. Но онъ не успѣлъ достигнуть чего-либо существеннаго, такъ какъ послѣ своего назначенія прожилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Князю Лихновскому, благодаря его высокому общественному положенію, обаятельной манерѣ обращенія и радушію, съ которымъ встрѣчали

всякаго въ германскомъ Посольствѣ, удалось создать въ Лондонѣ благопріятную Германіи атмосферу, которая значительно облегчила ему переговоры съ Англійскимъ Правительствомъ и сильно ослабила тренія, возникшія между Англіей и Германіей во время канцлерства князя Бюлова.

Въ печатаемомъ ниже очеркѣ описывается работа князя Лихновскаго въ Лондонѣ; по возвращеніи въ Германію онъ поселился снова въ деревнѣ и по прежнему изрѣдка выступалъ въ печати съ случайными статьями. Настоящій очеркъ, написанный имъ въ августѣ 1916 г., не предназначался для печати, но былъ розданъ имъ конфиденціально нѣкоторымъ друзьямъ. О его существованіи знали давно, но въ печати онъ появился впервые только въ мартѣ текущаго года, въ видѣ краткихъ выдержекъ, опубликованныхъ въ шведской газетѣ „Политикенъ.“ Позднѣе въ англійской прессѣ появились болѣе длинныя выдержки изъ этой работы.

Помѣщаемый ниже русскій переводъ очерка князя Лихновскаго впервые появляется въ печати.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

ПЕЧАТАЕМЫЙ ниже очеркъ князя Лихновскаго о его дѣятельности въ качествѣ германскаго Посла въ Лондонѣ въ 1912–1914 г.г. представляетъ собой документъ чрезвычайной важности, для выясненія того, кто является непосредственнымъ виновникомъ происходящаго нынѣ мірового побоища.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій Германія сдѣлала все возможное, чтобы убѣдить германскій народъ, а за нимъ и весь міръ, что войну начали союзники, съ цѣлью сокрушить торговую и военную мощь Германской націи.

Въ опроверженіе этого союзниками были опубликованы оффиціальные документы о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ между Германіей и Австріей съ одной стороны и Сербіей, Россіей, Франціей и Англіей — съ другой, возникшихъ въ связи съ убійствомъ эрцгерцога Франца-Фердинанда и извѣстнымъ австрійскимъ ультиматумомъ Сербіи, который и послужилъ ближайшимъ поводомъ къ войнѣ.

Изъ этихъ документовъ было видно, что союзники прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы прійти къ мирному разрѣшенію конфликта. Наоборотъ Австрія, а затѣмъ и Германія заняли

совершенно непримиримую позицію и явно стремились обострить кризисъ.

Князь Лихновскій въ своей работѣ совершенно согласенъ съ точкой зрѣнія союзниковъ: онъ подтверждаетъ 1) что Германія подстрекала гр. Берхтольда напасть на Сербію, зная что это поведетъ къ міровой войнѣ, и 2) что въ періодъ 23–30 іюля нов. ст. 1914 года Германія отвергла всѣ сдѣланныя ей предложенія о посредничествѣ, а 30 іюля, когда Австрія уже готова была уступить, она поспѣшно послала Россіи ультиматумъ, чтобы сдѣлать войну неизбѣжной.

Факты эти не новы. Но цѣнность ихъ заключается въ томъ, что они исходятъ отъ *нѣмецкаго Посла*.

Князь Лихновскій самъ участвовалъ въ переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ, поэтому свидѣтельство его есть прежде всего свидѣтельство очевидца, что обезпечиваетъ достовѣрность сообщаемаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Лихновскій нѣмецкій патріотъ, и потому его нельзя заподозрить въ освѣщеніи событій въ пользу союзниковъ. Если онъ, искренно любящій свою родину, рѣшился бросить ей обвиненіе въ томъ, что она умышленно вызвала войну, то это лучше всего доказываетъ, что виновность ея для него была совершенно несомнѣнна.

Особенный интересъ для русскихъ читателей представляетъ та часть работы князя Лихновскаго, гдѣ онъ описываетъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, руководившихъ внѣшней политикой Великобританіи непосредственно передъ войной,

Характеристика, которую даетъ германскій Посолъ въ Лондонѣ бывшему англійскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ расходится со всѣмъ тѣмъ, что такъ широко распространялось о Греѣ стараніями его противниковъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, котораго пытались представить какъ англійскаго Макіавелли, въ теченіи многихъ лѣтъ работавшаго надъ изолированіемъ Германіи, чтобы вѣрнѣе нанести ей смертельный ударъ сзади, рисуется Лихновскимъ, какъ человѣкъ, симпатизировавшій соціализму и пассифизму и дѣлавшій все отъ него зависящее, чтобы предотвратить вооруженное столкновеніе. Князь Лихновскій категорически утверждаетъ, что и раньше, задолго до войны, сэръ Эдуардъ Грей не только не препятствовалъ міровому расширенію Германіи, а наоборотъ считалъ, что оно даже выгодно съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, такъ какъ предоставленіе Германіи колоній, по мнѣнію Грея, было лучшимъ средствомъ предотвратить общеевропейскую войну. Политика Грея, пишетъ Лихновскій, заключалась не въ томъ, чтобы изолировать Германію, а въ томъ, чтобы связать ее договорными отношеніями съ державами согласія и такимъ образомъ сблизить обѣ группы европейскихъ государствъ.

И это можетъ быть лучше всего указываетъ на кого должна пасть отвѣтственность за ужасы міровой войны.

П. П.

МОЯ МИССІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ

1912-1914 г.г.

Мое назначеніе.

ВЪ сентябрѣ 1912 г. скончался баронъ Маршалъ, пробывъ на своемъ посту въ Лондонѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Назначеніе его, состоявшееся повидимому главнымъ образомъ благодаря его возрасту и стремленію его молодого помощника попасть въ Лондонъ, было одной изъ многочисленныхъ ошибокъ нашей политики.

Несмотря на его недюжинныя способности и высокую репутацію онъ былъ слишкомъ старъ и утомленъ, чтобы понять сущность совершенно чуждаго ему англо-саксонскаго міра; баронъ Маршалъ былъ скорѣе чиновникомъ и юристомъ, чѣмъ дипломатомъ и государственнымъ дѣятелемъ. Онъ началъ съ того, что сталъ убѣждать англичанъ въ безвредности нѣмецкаго флота, чѣмъ конечно усилилъ обратное мнѣніе.

Къ моему большому удивленію въ октябрѣ этотъ постъ былъ предложенъ мнѣ. Въ это время я жилъ въ деревнѣ, куда удалился какъ „Personalreferent“ послѣ многолѣтней дѣятельности, убѣдившись, что для меня нѣтъ свободнаго подходящаго мѣста, и гдѣ я проводилъ время, посвятивъ себя всецѣло сельскому хозяйству, довольно много читая и изрѣдка помѣщая въ печати замѣтки политическаго характера.

Такъ прошло восемь лѣтъ — тринадцать съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Вѣну повѣреннымъ въ дѣлахъ. Тамъ я собственно и закончилъ свою активную политическую дѣятельность, такъ какъ въ то время такой дѣятельности можно было добиться не иначе, какъ согласившись составлять фантастическіе приказы и хитроумныя инструкціи по указанію не вполнѣ нормальнаго человѣка.

Я не знаю кому я обязанъ моимъ назначеніемъ въ Лондонъ. Во всякомъ случаѣ не всецѣло Его Величеству, такъ какъ я не принадлежалъ къ числу его интимныхъ друзей, хотя и пользовался

его постояннымъ расположеніемъ. Кромѣ того я по собственному опыту знаю, что Его кандидаты обыкновенно не имѣли успѣха. Въ сущности фонъ Кидерленъ хотѣлъ послать въ Лондонъ г-на фонъ Штумма. Онъ сразу меня встрѣтилъ съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ и пытался запугать своей неучтивостью. Фонъ Бетманъ Хольвегъ былъ ко мнѣ весьма расположенъ и незадолго до этого посѣтилъ меня въ Гретцѣ (Grätz). Поэтому на мнѣ остановились вѣроятно ввиду того, что въ тотъ моментъ не было другого подходящаго кандидата. Если бы баронъ Маршалъ не умеръ такъ неожиданно, то обо мнѣ не вспомнили бы, какъ не вспоминали и въ долгіе предыдущіе годы.

Марокканская политика.

Несомнѣнно, что моментъ былъ чрезвычайно благопріятный для новой попытки установить лучшія отношенія съ Англіей. Наша загадочная политика по отношенію къ Марокко неоднократно подрывала вѣру въ наши миролюбивыя намѣренія, и, по меньшей мѣрѣ, вызывала подозрѣнія, что мы или сами хорошо не знали чего хотѣли, или стремились держать Европу въ постоянной тревогѣ, а попутно если возможно то и унизить французовъ. Одинъ мой австрійскій коллега очень долго жившій въ Парижѣ сказалъ мнѣ: „Какъ только французы начинали забывать о реваншѣ, вы имъ неизмѣнно каждый разъ напоминали о немъ своимъ грубымъ каблукомъ.“

Такъ, оттолкнувъ всѣ попытки Делькассе прійти съ нами къ какому бы то ни было соглашенію относительно Марокко и торжественно передъ тѣмъ заявивъ, что мы не имѣемъ тамъ никакихъ политическихъ интересовъ — точка зрѣнія, соотвѣтствующая традиціямъ политики Бисмарка — мы вдругъ открыли въ лицѣ Абдулъ Азиса второго Крюгера. И такъ же какъ съ бурами мы посулили ему покровительство могущественной Германской Имперіи (Reiches) съ той же афектаціей и съ тѣмъ же результатомъ: обѣ демонстраціи окончились, какъ и должны были кончиться — нашимъ отступленіемъ, неизбѣжнымъ разъ мы не были намѣрены уже тогда начать міровую войну. И въ этомъ ничего не могли измѣнить ни жалкій конгрессъ въ Алжесирасѣ, ни паденіе Делькассе.

Наше отношеніе способствовало Русско-Японскому, а позднѣе

и Русско-Англійскому сближенію. Передъ the German peril („Германской опасностью") всѣ прочія разногласія отходили на задній планъ. Возможность новой Франко-Германской войны становилась очевидной, а такая война уже не могла бы какъ въ 1870 г. оставить Россію и Англію безучастными зрителями.

Безполезность Тройственнаго союза обнаружилась уже въ Алжесирасѣ, безполезность же подписанныхъ тамъ соглашеній выяснилась послѣ паденія Султана, которое конечно нельзя было предотвратить. А между тѣмъ среди нѣмецкаго народа распространялось мнѣніе, что наша внѣшняя политика слаба и отступаетъ передъ „окруженіемъ," что мы послѣ громкихъ фразъ малодушно уступаемъ.

Заслугой фонъ Кидерлена, котораго вообще какъ государственнаго дѣятеля переоцѣнивали, было то, что онъ ликвидировалъ Марокканское наслѣдство и принялъ факты, которые нельзя было измѣнить, такими, какъ они были. Предоставляю послѣ этого другимъ судить была ли надобность вообще пугать міръ Агадирскимъ инцидентомъ.

Въ Германіи это происшествіе оживленно привѣтствовали, въ Англіи же оно всѣхъ встревожило тѣмъ болѣе, что Правительство въ теченіи трехъ недѣль напрасно ждало выясненія нашихъ намѣреній. И результатомъ была рѣчь Ллойдъ Джоржа съ предостереженіемъ по нашему адресу.

До паденія Делькассе и до Алжесираса была еще возможность получить портъ и территорію на Западномъ берегу, послѣ же этихъ событій это стало невозможнымъ.

Программа Сэра Эдуарда Грея.

Ко времени моего прибытія въ Лондонъ, въ ноябрѣ 1912 г., возбужденіе по поводу Марокканскаго инцидента уже улеглось, такъ какъ въ Берлинѣ уже было достигнуто соглашеніе съ Франціей. Правда миссія Хольдана не удалась, такъ какъ мы потребовали обѣщанія нейтралитета, вмѣсто того, чтобы удовлетвориться договоромъ, который бы насъ обезпечивалъ какъ отъ нападенія со стороны самой Англіи, такъ и отъ нападенія другихъ странъ съ англійской поддержкой. Но сэръ Эдуардъ Грей не покидалъ надежды прійти съ нами къ какому нибудь соглашенію и прежде всего попытался это сдѣлать въ области колоніальныхъ и

экономическихъ вопросовъ. При посредствѣ способнаго и дѣловитаго повѣреннаго въ дѣлахъ фонъ Кюльмана уже начаты были переговоры о возобновленіи Португальскаго Колоніальнаго соглашенія и о соглашеніи о Месопотаміи (Багдадская желѣзная дорога), скрытой цѣлью которыхъ было разграничить въ названныхъ колоніяхъ и въ Малой Азіи сферы вліянія.

Британскій государственный дѣятель стремился послѣ разрѣшенія старыхъ спорныхъ вопросовъ съ Франціей и Россіей достигнуть подобныхъ же соглашеній и съ нами. Онъ хотѣлъ не изолировать насъ, а наоборотъ сдѣлать и насъ, по возможности, участниками уже существовавшаго сообщества націй. Подобно тому, какъ ему удалось преодолѣть англо-французскія и англо-русскія разногласія, такъ же онъ хотѣлъ, по возможности, уничтожить и англо-германскія противорѣчія и закрѣпить сѣтью договоровъ (въ которые вѣроятно, въ концѣ концовъ, вошло бы и соглашеніе относительно самаго наболѣвшаго вопроса о сокращеніи военнаго судостроенія) всеобщій миръ, послѣ того, какъ наша прежняя политика привела къ созданію группы націй — „ Согласія “— которое въ сущности являлось взаимнымъ страхованіемъ отъ военной опасности.

Такова была программа сэра Эдуарда Грея. По его собственнымъ словамъ: (онъ стремился) Не нарушая уже существующихъ дружественныхъ соглашеній съ Франціей и Россіей, которыя не преслѣдовали никакихъ агрессивныхъ цѣлей и не заключали въ себѣ никакихъ связывающихъ Англію обязательствъ, достичь дружественнаго сближенія и взаимнаго пониманія съ Германіей; „ по возможности сблизить, обѣ группы “ націй.

Въ то время въ Англіи, какъ и у насъ, существовало въ этомъ отношеніи два направленія — оптимистическое, вѣрившее въ возможность достиженія такого соглашенія и — пессимистическое, считавшее войну ранѣе или позже неизбѣжной.

Къ первой принадлежали г.г. Асквисъ, Грей, лордъ Хольданъ и большинство министровъ радикальнаго Кабинета, также какъ и руководящіе либеральные органы, какъ *Westminster Gazette, Manchester Guardian, Daily Chronicle.*

Къ пессимистамъ принадлежали главнымъ образомъ консервативные политическіе дѣятели, какъ напримѣръ Бальфуръ, который мнѣ это неоднократно давалъ понять, также видные военные, какъ лордъ Робертсъ, которые указывали на необходи-

мость всеобщей воинской повинности („The Writing on the Wall"), далѣе Портклифская пресса и извѣстный англійскій журналистъ г. Гарвинъ изъ *The Observer*.

По во время моего пребыванія въ Лондонѣ они воздерживались отъ всякихъ нападокъ и держались, какъ въ личныхъ отношеніяхъ такъ и въ политикѣ, дружественнаго тона. Однако наша морская политика и наша позиція въ 1905, 1908 и 1911 г.г. создали у нихъ убѣжденіе, что въ концѣ концовъ война неизбѣжна. Въ настоящее время въ Англіи, совершенно такъ же какъ у насъ, первыхъ упрекаютъ въ близорукости и простодушіи, вторыхъ же считаютъ настоящими пророками.

Албанскій вопросъ.

Первая Балканская война привела въ свое время къ пораженію Турціи, что было несомнѣнной неудачей нашей политики, которая уже много лѣтъ была связана съ этой страной. Послѣ того какъ выяснилось, что спасти Турцію въ Европѣ нельзя, остались два способа разрѣшенія вопроса о ея наслѣдствѣ: мы могли или заявить о нашей полной незаинтересованности въ томъ какъ будутъ установлены новыя границы, предоставивъ Балканскимъ государствамъ установить ихъ самимъ, или поддерживать нашихъ „союзниковъ," проводя на Ближнемъ Востокѣ политику Тройственнаго Союза, и этимъ самымъ, выходя изъ роли посредника.

Я съ самаго начала совѣтовалъ принять первое рѣшеніе, Министерство же Иностранныхъ Дѣлъ тѣмъ рѣшительнѣе стояло за второе.

Наиболѣе важнымъ вопросомъ былъ Албанскій. Наши союзники желали образованія независимаго Албанскаго государства, такъ какъ Австрія не хотѣла допустить сербовъ къ Адріатическому морю, а Италія была противъ доступа грековъ не только къ Валонѣ, но и къ сѣверу отъ Корфу. Въ противовѣсъ этому Россія, какъ извѣстно, поддерживала сербскія желанія, а Франція — греческія.

Мой совѣтъ былъ считать этотъ вопросъ не касающимся союза и не поддерживать ни австрійскихъ ни итальянскихъ желаній. Безъ нашей же помощи созданіе независимой Албаніи, нежизнеспособность которой легко было предвидѣть, было невозможно; Сербія тогда получила бы доступъ къ морю, и нынѣшняя міровая

война была бы избѣгнута. Франція и Италія разошлись бы серьезно въ Греческомъ вопросѣ, и италіанцамъ, въ случаѣ ихъ нежеланія однимъ воевать съ Франціей, пришлось бы примириться съ расширеніемъ Греціи къ сѣверу отъ Дураццо. Культура въ большей части Албаніи — греческая. Южные города греческіе всецѣло; во время конференціи пословъ въ Лондонъ прибыли делегаціи отъ большихъ городовъ, чтобы настаивать на присоединеніи ихъ къ Греціи. Даже въ нынѣшней Греціи имѣются албанскія народности, и такъ называемая національная греческая одежда — албанскаго происхожденія. Поэтому включеніе въ греческое государство албанцевъ, которые въ большинствѣ православные и мусульмане, было бы лучшимъ и самымъ естественнымъ разрѣшеніемъ вопроса, если бы при этомъ Скутари и сѣверъ были бы предоставлены сербамъ и черногорцамъ. За это же рѣшеніе стоялъ и Е. В. по соображеніямъ династическаго характера. Когда же я поддержалъ эту точку зрѣнія въ своемъ письмѣ къ монарху, то это вызвало возбужденные упреки со стороны рейхскапцлера, который указалъ мнѣ, что я слыву за „противника Австріи“ и долженъ впредь прекратить подобнаго рода вмѣшательство и прямую переписку.

Ближній Востокъ и политика Тройственнаго Союза.

Въ концѣ концовъ мы должны были порвать съ роковой традиціей проведенія политики Тройственнаго Союза и на Ближнемъ Востокѣ и признать ошибочность отожествленія насъ на югѣ съ турками а на сѣверѣ съ австро-венграми, такъ какъ продолженіе такой политики, начатой нами со времени Берлинскаго конгресса и съ тѣхъ поръ неуклонно проводимой, должно было привести со временемъ къ столкновенію съ Россіей и къ міровой войнѣ, особенно если руководящія сферы не обладаютъ достаточнымъ искусствомъ. Вмѣсто того, чтобы прійти къ соглашенію съ Россіей на основѣ признанія независимости Султана, котораго въ Петербургѣ также не хотѣли удалять изъ Константинополя и, отказавшись отъ военныхъ и политическихъ захватовъ, ограничиться защитой нашихъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ и раздѣленіемъ Малой Азіи на сферы вліянія, мы изъ политическаго тщеславія добивались господства надъ Босфоромъ.

Въ Россіи создалось мнѣніе, что пути къ Константинополю, а слѣдовательно и къ Средиземному морю лежатъ черезъ Берлинъ. Вмѣсто того чтобы способствовать мощному развитію Балканскихъ государствъ, которыя будучи освобождены, становятся менѣе всего русскими, и въ отношеніи которыхъ наши опыты были вполнѣ удачны — мы встали на сторону турецкихъ и венгерскихъ притѣснителей.

Ошибочность политики Тройственнаго Союза и въ частности политики на Ближнемъ Востокѣ, бросившей нашего естественнаго лучшаго друга и сосѣда — Россію въ объятія Франціи и Англіи и оттолкнувшей ее отъ политики расширенія въ Азіи — была тѣмъ болѣе очевидна, что предположеніе о возможности нападенія со стороны Франціи и Россіи, которое одно только и оправдывало политику Тройственнаго Союза, могло быть совершенно исключено изъ нашихъ расчетовъ.

Цѣнность союза съ Италіей нуждается въ разъясненіи. Наши деньги и наши туристы будутъ нужны Италіи и послѣ войны — все равно будетъ ли она въ союзѣ съ нами или нѣтъ. Можно было заранѣе предвидѣть, что она намъ измѣнитъ въ случаѣ войны. Поэтому союзъ съ ней не имѣлъ цѣнности. Австрія нуждается въ нашей защитѣ какъ во время войны такъ и мира и не имѣетъ другой поддержки. Ея зависимость отъ насъ, вытекаетъ изъ политическихъ, національныхъ и экономическихъ соображеній, и чѣмъ ближе наши отношенія съ Россіей, тѣмъ она больше. Это доказалъ кризисъ въ Босніи. Со временъ Гр. Беуста (Beust) ни одинъ вѣнскій министръ не держалъ себя по отношенію къ намъ такъ самоувѣренно какъ Гр. Эренталь въ послѣдніе годы своей жизни. А, между тѣмъ, если бы мы вели правильную германскую политику и поддерживали хорошія отношенія съ Россіей, то Австро-Венгрія была бы нашимъ вассаломъ, зависѣла бы отъ насъ всецѣло, безъ всякаго союза или вознагражденія; неправильная же политика дѣлала насъ зависимыми отъ Австріи. Поэтому этотъ союзъ не имѣлъ основанія.

Я былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ Австріей, чтобы не знать, что возвращеніе политики князя Феликса Шварценберга или Гр. Мориса Эстергази было тамъ совершенно немыслимо. Какъ мало любятъ насъ тамошніе славяне, такъ же мало стремятся они войти снова въ составъ Германской Имперіи, даже съ Габсбургско-Лотарингскимъ монархомъ. Они борятся за устройство

въ Австріи федераціи по принципу національности, что въ Германской Имперіи еще менѣе осуществимо, чѣмъ подъ Двуглавымъ Орломъ. Австрійскіе же нѣмцы видятъ въ Берлинѣ центръ германскаго могущества и культуры и понимаютъ, что Австрія никогда уже снова не станетъ господствующей державой. Они желаютъ самаго тѣснаго сближенія съ Германской Имперіей, а не анти-германской политики.

Послѣ семидесятыхъ годовъ, какъ въ Австріи такъ и въ Баваріи положеніе круто измѣнилось. Какъ въ послѣдней нечего опасаться возврата къ Великогерманскому сепаратизму, такъ въ первой нельзя ожидать воскрешенія политики князя Кауница и Шварценберга. Отъ федераціи съ Австріей, которая весьма похожа на большую Бельгію, такъ какъ ея населеніе даже безъ Галиціи и Далматіи лишь наполовину германское, наши интересы страдали бы совершенно такъ же, какъ и отъ подчиненія нашей политики вѣнскимъ и будапешскимъ взглядамъ. Войти въ такую федерацію, значило бы „épouser les querelles d'Autriche“ (сочетаться съ австрійскими раздорами).

Поэтому намъ не нужно было совершенно считаться съ желаніями нашихъ „союзниковъ“; они были не только не нужны, но даже опасны, такъ какъ приводили къ столкновенію съ Россіей, коль скоро мы начинали разсматривать восточные вопросы черезъ австріискіе очки. Превращеніе союза, образованнаго для одной спеціальной цѣли въ союзъ общаго характера, такой при которомъ интересы союзниковъ во всѣхъ областяхъ оказываются слитыми, было лучшимъ способомъ вызвать войну т.е. какъ разъ привести къ тому, что дипломатія должна была предотвратить. Такая союзная политика должна была повлечь за собой потерю симпатіи молодыхъ, сильныхъ и развивающихся балканскихъ государствъ, которыя были готовы перейти на нашу сторону и открыть намъ свои рынки.

Нужно было сдѣлать выборъ между властью Правящаго Дома и Національнаго Государства, между династическимъ и демократическимъ принципами, и мы, по обыкновенію, пошли по ложному пути.

Король Карлъ сказалъ одному изъ нашихъ представителей, что онъ вошелъ въ союзъ съ нами лишь при условіи сохраненія руководящей роли *за нами*, если же руководство перейдетъ къ Австріи, то это измѣнитъ самое основаніе взаимоотношеній и

при такихъ условіяхъ, онъ не будетъ въ состояніи остаться въ союзѣ.

Такое же отношеніе было и къ Сербіи, гдѣ мы въ ущербъ своимъ собственнымъ экономическимъ интересамъ поддерживали австрійскую политику.

Мы всегда ставили на ту лошадь, неудачу которой можно было предвидѣть заранѣе: Крюгера, Абдулъ Азиса, Абдулъ Гамида, Вильгельма Вида и — кончили самой роковой ошибкой, поставивъ очертя голову на конюшню Берхтольда.

Конференція Пословъ.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Лондонъ, въ концѣ 1912 года, сэръ Эдуардъ Грей предложилъ устроить частное совѣщаніе, чтобы предотвратить возможность превращенія Балканской войны въ Европейскую, послѣ того какъ мы въ началѣ войны, къ сожалѣнію, отклонили предложеніе Французскаго Правительства сдѣлать формальное заявленіе о нашей незаинтересованности. Британскій государственный дѣятель съ самаго начала заявилъ, что Англія совершенно не заинтересована въ Албаніи и ни въ какомъ случаѣ не желаетъ допустить, чтобы изъ за этого вопроса возникла война. Онъ хотѣлъ, какъ „честный маклеръ,“ быть посредникомъ между обѣими группами и облегчить такимъ образомъ устраненіе возникающихъ затрудненій. Поэтому онъ отнюдь не сталъ на сторону „Согласія,“ и въ теченіи всѣхъ переговоровъ, продолжавшихся около 8-ми мѣсяцевъ, его доброжелательство и вліяніе, которымъ онъ пользовался, много способствовали достиженію соглашенія. Мы же вмѣсто того, чтобы занять положеніе аналогичное англійскому, защищали точку зрѣнія, продиктованную намъ изъ Вѣны.

Графъ Менсдорфъ руководилъ политикой Тройственнаго Союза въ Лондонѣ, я же занималъ подчиненное положеніе. Моя задача состояла въ томъ, чтобы поддерживать его предложенія. Умный и опытный графъ Сцегіени (Szögyenyi) велъ дѣла въ Берлинѣ. Его любимыми словами были: „Тогда наступаетъ casus fœderis“ (вступаютъ въ силу союзныя обязательства). Когда же я однажды осмѣлился усумниться въ правильности этого заключенія, меня строго упрекнули въ

„австрофобствѣ.“ Мнѣ также было сказано, что я страдаю отъ „наслѣдственности“ — что было намекомъ на моего отца!

Во всѣхъ вопросахъ: по поводу Албаніи, сербскаго порта въ Адріатикѣ, Скутари, а также и при опредѣленіи границы Албаніи, мы становились на точку зрѣнія Австріи и Италіи, въ то время какъ сэръ Эдуардъ Грей почти никогда не поддерживалъ французской или русской. Онъ даже часто присоединялся къ нашему мнѣнію, чтобы не дать повода, который былъ позже данъ мертвымъ эрцгерцогомъ. Такъ при его помощи удалось выманить изъ Скутари короля Никиту (Николая). Безъ него уже изъ за этого вопроса возникла бы міровая война, такъ какъ мы навѣрное не рѣшились бы убѣждать „нашего союзника“ уступить.

Сэръ Эдуардъ руководилъ переговорами съ осмотрительностью, спокойствіемъ и тактомъ. Когда какой-нибудь вопросъ грозилъ осложненіемъ, онъ предлагалъ согласительную формулу, которая вѣрно схватывала сущность и всегда принималась. Его личность пользовалась у всѣхъ участниковъ одинаковымъ довѣріемъ. Въ дѣйствительности мы опять успѣшно вышли изъ одного изъ тѣхъ многихъ испытаній, которыми характеризуется наша политика. Во всѣхъ случаяхъ Россія должна была отступать передъ нами, такъ какъ она никогда не могла добиться осуществленія сербскихъ стремленій. Албанія была создана ввидѣ вассальнаго государства, а Сербія оттѣснена отъ моря. Поэтому эта Конференція была новымъ униженіемъ русскаго самосознанія. Какъ въ 1878 г., такъ и въ 1908 г. мы противодѣйствовали русскимъ планамъ, несмотря на то, что нѣмецкіе интересы даже не были затронуты. Бисмаркъ съумѣлъ смягчить эту ошибку Конгресса тайнымъ договоромъ и своимъ поведеніемъ въ Баттенбергскомъ вопросѣ, мы же въ Лондонѣ продолжали итти по тому же опасному пути, на который вступили въ Боснійскомъ вопросѣ и не сошли съ него даже тогда, когда онъ привелъ къ пропасти.

Недовольство, господствовавшее тогда въ Россіи, проявилось во время конференціи въ нападкахъ русской прессы на моего русскаго коллегу и русскихъ дипломатовъ. Недовольные круги конечно воспользовались его нѣмецкимъ происхожденіемъ, католическимъ вѣроисповѣданіемъ и репутаціей друга Германіи, а также случайнымъ обстоятельствомъ, что онъ приходился родственникомъ, какъ Гр. Менсдорфу, такъ и мнѣ. Не будучи яркой

личностью Гр. Бенкендорфъ обладалъ качествами, которыя необходимы хорошему дипломату — тактомъ, искусствомъ держать себя въ обществѣ, опытомъ, учтивостью и простымъ взглядомъ на людей и вещи. Онъ постоянно стремился избѣгать обострения отношеній и былъ въ этомъ поддерживаемъ Англіей и Франціей.

Впослѣдствіи я однажды ему замѣтилъ: „Должно быть въ Россіи сильно анти-нѣмецкое настроеніе.“ На что онъ возразилъ: „Тамъ есть также и очень сильные и вліятельные пронѣмецкіе круги, но всѣ настроены противъ австрійцевъ.“

Едва ли нужно прибавлять, что наше „Austrophilie à outrance“ (крайнее Австрофильство) не могло способствовать ослабленію Согласія (Entente) и возвращенію Россіи къ ея интересамъ въ Азіи.

Балканская Конференція.

Въ то же самое время въ Лондонѣ засѣдала Балканская Конференція, и я имѣлъ случай войти въ соприкосновеніе съ руководителями Балканскихъ государствъ. Самой выдающейся личностью былъ конечно Венизелосъ. Въ то время онъ былъ совсѣмъ не германофобомъ, навѣщалъ меня неоднократно и особенно любилъ носить ленту Краснаго Орла, даже во французскомъ Посольствѣ. Его чарующая привѣтливость и манеры свѣтскаго человѣка завоевали ему всеобщія симпатіи. Наряду съ нимъ значительную роль игралъ Даневъ — въ то время болгарскій премьеръ и довѣренное лицо Гр. Берхтольда. Онъ производилъ впечатлѣніе ловкаго и энергичнаго человѣка, и весьма вѣроятно, что отклоненіе имъ русскаго посредничества и вовлеченіе его въ безумство второй Балканской войны произошло благодаря вліянію на него его вѣнскихъ и будапешскихъ друзей, надъ лестью которыхъ онъ, при случаѣ, любилъ подсмѣиваться. Въ Лондонѣ бывалъ также довольно часто Таке Іонеско, аккуратно меня навѣщавшій. Я его зналъ со времени моей службы въ Бухарестѣ въ качествѣ секретаря. Онъ принадлежалъ также къ числу друзей Кидерлена. Въ Лондонѣ, путемъ переговоровъ онъ пытался добиться отъ Данева уступокъ въ пользу Румыніи, и въ этомъ его поддерживалъ очень способный румынскій посланникъ Мизу (Мишу). Извѣстно, что эти пере-

говоры разбились о противодѣйствіе Болгаріи. Гр. Берхтольдъ (и конечно мы вмѣстѣ съ нимъ) былъ всецѣло на сторонѣ Болгаріи, иначе вѣроятно удалось бы давленіемъ на Данева добиться желаемыхъ Румыніей уступокъ и этимъ сдѣлать ее обязанной намъ; окончательно она была оторвана отъ Центральныхъ Имперій австрійской политикой въ продолженіи и послѣ второй Балканской войны.

Вторая Балканская война.

Пораженіе во второй Балканской войнѣ Болгаріи и побѣда Сербіи вмѣстѣ съ вторженіемъ Румыніи несомнѣнно были униженіемъ для Австріи. Повидимому, мысль изгладить его походомъ на Сербію возникла въ Вѣнѣ весьма вскорѣ послѣ этого. Это доказываютъ итальянскія разоблаченія, и весьма возможно, что маркизъ Санъ Джуліано, очень мѣтко назвавшій этотъ планъ pericolosissima aventura (чрезвычайно опасная авантюра), избавилъ насъ отъ вовлеченія въ міровую войну уже лѣтомъ 1913 г.

При близости русско-итальянскихъ отношеній весьма вѣроятно, что планъ Вѣны сталъ извѣстенъ и въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ мнѣ сообщилъ Таке Іонеску, Сазоновъ въ Констанцѣ открыто заявилъ, что нападеніе Австріи на Сербію было бы для Россіи поводомъ къ войнѣ.

Когда одинъ изъ моихъ подчиненныхъ, осенью 1914 г., вернулся изъ отпуска изъ Вѣны, онъ разсказалъ мнѣ о заявленіи Тширскаго (Tschirschky), что скоро будетъ война. Однако, такъ какъ меня систематически держали въ невѣдѣніи о важныхъ событіяхъ, то я счелъ этотъ пессимизмъ ни на чемъ не основаннымъ.

Въ дѣйствительности со времени Бухарестскаго мира въ Вѣнѣ какъ будто существовало намѣреніе добиться собственнымъ кулакомъ (силой) пересмотра договора и видимо тамъ ждали только благовиднаго предлога. Само собой разумѣется, что вѣнскіе государственные дѣятели могли расчитывать на нашу поддержку. Они объ этомъ хорошо знали, такъ какъ ихъ неоднократно упрекали въ недостаточной твердости. Въ Берлинѣ настаивали даже на „реабилитаціи Австріи.“

Лиманъ фонъ Сандерсъ.

Ко времени моего возвращенія, послѣ довольно продолжительнаго отпуска, въ декабрѣ 1913 г. въ Лондонъ, вопросъ о Лиманѣ фонъ Сандерсѣ значительно обострилъ наши отношенія съ Россіей. Сэръ Эдуардъ Грей, сильно озабоченный, обратилъ мое вниманіе на волненіе, которое царило по этому поводу въ Петербургѣ: „I have never seen them so excited“ (Я ихъ никогда не видѣлъ такими возбужденными).

Изъ Берлина мнѣ поручили просить Министра дѣйствовать въ Петербургѣ въ умиряющемъ духѣ и помочь намъ уладить этотъ споръ. Сэръ Эдуардъ Грей на это охотно согласился, и его посредничество не мало способствовало улаженію инцидента. Моими хорошими отношеніями съ сэромъ Эдуардомъ и его большимъ вліяніемъ въ Петербургѣ пользовались подобнымъ же образомъ неоднократно, если тамъ требовалось что-нибудь провести, такъ какъ наше представительство тамъ оказалось для этого непригоднымъ.

Въ критическіе дни іюля 1914 г. сэръ Эдуардъ сказалъ мнѣ: „Когда вы хотите добиться чего-нибудь въ Петербургѣ, вы неизмѣнно обращаетесь ко мнѣ, если же я когда либо прошу васъ повліять на Вѣну, то вы мнѣ отказываете въ вашей помощи.“

Договоръ о колоніяхъ.

Хорошія и полныя довѣрія отношенія, которыя мнѣ удалось создать не только въ обществѣ и съ такими вліятельными лицами, какъ сэръ Эдуардъ Грей и г. Асквисъ, но и съ болѣе широкими кругами на публичныхъ обѣдахъ, привели къ замѣтному улучшенію нашихъ отношеній съ Англіей. Сэръ Эдуардъ искренне стремился еще болѣе закрѣпить это сближеніе, и его намѣреніе особенно проявилось въ двухъ вопросахъ: въ договорѣ о колоніяхъ и о Багдадской желѣзной дорогѣ.

Въ 1898 году гр. Хацфельдомъ (Hatzfeld) и г. Бальфуромъ было подписано тайное соглашеніе, раздѣлившее португальскія колоніи въ области политико-экономической на англійскую и нѣмецкую сферы вліянія. Такъ какъ португальское Правительство не имѣло ни силы, ни средствъ, развивать, или хотя бы

надлежащимъ образомъ управлять своими обширными владѣніями, то оно уже раньше лелѣяло мысль о ихъ продажѣ, чтобы улучшить этимъ свои финансы. Въ связи съ этимъ между нами и Англіей состоялось соглашеніе, опредѣлявшее интересы обѣихъ сторонъ и имѣвшее тѣмъ большую цѣнность, что, какъ было извѣстно, Португалія находилась въ полнѣйшей зависимости отъ Англіи.

Съ виду это соглашеніе должно было закрѣпить цѣлость и независимость Португаліи, и въ немъ было высказано только намѣреніе помочь португальцамъ въ финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Поэтому оно формально не противорѣчило старому англо-португальскому союзу 15-го столѣтія, который былъ возобновленъ въ послѣдній разъ при Карлѣ II и давалъ взаимную гарантію неприкосновенности территорій.

Несмотря на это, стараніями маркиза Совераля (Soveral), который вѣроятно былъ освѣдомленъ объ англо-германскихъ соглашеніяхъ, между Англіей и Португаліей въ 1899 году былъ заключенъ новый, такъ называемый Виндзорскій, договоръ, подтвердавшій старыя, никогда не терявшія силы соглашенія.

Переговоры между нами и Англіей, начатыя до моего прибытія, имѣли цѣлью измѣнить и улучшить наше соглашеніе 1898 года, которое въ части, касающейся географическихъ границъ, было во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно.

Благодаря предупредительному отношенію англійскаго правительства мнѣ удалось придать новому соглашенію форму абсолютно соотвѣтствующую всѣмъ нашимъ желаніямъ и интересамъ. Намъ была предоставлена вся Ангола до 20-го градуса долготы, такъ что съ юга мы соприкасались съ государствомъ Конго; кромѣ того мы получали весьма цѣнные острова св. Ѳомы и Принципъ, которые расположены къ сѣверу отъ экватора и этимъ самымъ, въ сущности, входили во французскую сферу вліянія, обстоятельство, вызвавшее со стороны моего французскаго коллеги оживленныя, хотя и безрезультатныя возраженія. Затѣмъ мы получали сѣверную часть Мозамбика; Ликанго служило границей.

Британское Правительство выказало къ нашимъ интересамъ и желаніямъ чрезвычайную предупредительность. Сэръ Эдуардъ Грей не только хотѣлъ показать свое желаніе итти намъ навстрѣчу, но и стремился содѣйствовать нашему колоніальному развитію, такъ какъ Англія надѣялась направить такимъ

образомъ расширеніе германской мощи отъ Сѣвернаго моря и Западной Европы къ океану и къ Африкѣ. „We don't want to grudge Germany her colonial development“ (германское колоніальное развитіе не вызываетъ у насъ никакой горечи), сказалъ мнѣ одинъ изъ членовъ Кабинета.

Первоначально, согласно Британскому предложенію, Конго должно было быть включено въ соглашеніе, что давало бы намъ преимущественное право торговли и возможность экономическаго проникновенія. Мы отказались отъ этого предложенія, сдѣлавши видъ, что мы боимся обидѣть Бельгію! Можетъ быть нужно было быть экономными съ успѣхами? Также и въ отношеніи практическаго осуществленія истиннаго, хотя и не высказаннаго, намѣренія этого соглашенія — раздѣленія въ будущемъ Португальскихъ колоніальныхъ владѣній — новая редакція являлась по сравненію со старой значительнымъ шагомъ впередъ, предоставляя намъ крупныя преимущества. А именно въ ней были предусмотрѣны случаи, дававшіе намъ право вмѣшательства для защиты нашихъ интересовъ въ предоставленныхъ намъ областяхъ. Эти случаи были намѣчены такъ широко, что въ сущности намъ самимъ предоставлялось рѣшать, когда шло дѣло о „жизненныхъ интересахъ“; такимъ образомъ, ввиду полной зависимости Португаліи отъ Англіи, намъ оставалось только поддерживать добрыя отношенія съ Англіей, дабы въ послѣдствіи съ согласія англичанъ осуществить наши общія намѣренія.

Искренность желанія англійскаго Правительства уважать наши права наглядно проявлялась въ томъ, что сэръ Эдуардъ Грей до окончательной готовности и подписанія соглашенія, направлялъ къ намъ тѣхъ англійскихъ предпринимателей, которые желали помѣстить капиталы въ областяхъ, предназначенныхъ намъ новымъ договоромъ и поэтому просили англійской помощи, указывая имъ, что ихъ предпріятія находятся въ нашей сферѣ вліянія.

Въ своихъ существенныхъ чертахъ договоръ этотъ былъ уже готовъ ко времени посѣщенія Королемъ Берлина, то есть къ маю 1913 г. Въ Берлинѣ тогда происходило подъ предсѣдательствомъ рейхсканцлера совѣщаніе, въ которомъ принималъ участіе и я, и на которомъ были заявлены еще наши нѣкоторыя пожеланія.

По возвращеніи въ Лондонъ мнѣ удалось при помощи совѣтника Посольства, фонъ Кюльмана, разрабатывавшаго съ Паркеромъ детали соглашенія, провести и эти послѣднія пред-

ложенія, такъ что уже въ августѣ 1913 года, до начала моего отпуска, все соглашеніе могло быть пройдено по статьямъ сэромъ Эдуардомъ Греемъ и мною.

Но тутъ возникли новыя затрудненія, помѣшавшія подписанію соглашенія и лишь черезъ годъ, т.е. незадолго до начала войны, я получилъ разрѣшеніе его заключить. Но до подписанія дѣло такъ и не дошло.

Сэръ Эдуардъ Грей соглашался подписать договоръ только при *условіи, что онъ будетъ опубликованъ вмѣстѣ съ договоромъ* 1898 *и* 1899 *гг.* Англія не имѣетъ никакихъ тайныхъ договоровъ; утаиваніе, связывающихъ ее договоровъ, противорѣчитъ ея общепризнаннымъ принципамъ; поэтому она не можетъ вступить ни въ какое соглашеніе, не опубликовавъ его. Но онъ былъ согласенъ принять во вниманіе наши пожеланія относительно времени и способа опубликованія, если только опубликованіе это произойдетъ не позже какъ черезъ годъ послѣ подписанія.

Но въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ мои лондонскіе успѣхи вызывали все возрастающее недовольство, и гдѣ одно вліятельное лицо, игравшее роль фонъ Гольштейна, имѣло виды на лондонскій постъ для себя, заявили, что опубликованіе повредитъ нашимъ интересамъ въ колоніяхъ, такъ какъ португальцы тогда уже не дадутъ намъ больше никакихъ концессій.

Ничтожность этого возраженія совершенно ясна: старый договоръ былъ весьма вѣроятно такъ же извѣстенъ португальцамъ, какъ и наши новыя соглашенія, въ виду близости англо-португальскихъ отношеній, вліяніе же, которое Англія имѣла на Лиссабонъ, дѣлало португальское Правительство по отношенію къ Англо-Германскому договору совершенно безсильнымъ.

Нужно было значитъ найти другой предлогъ, чтобы разстроить соглашеніе: опубликованіе Виндзорскаго соглашенія, заключеннаго при князѣ Гогенлое и бывшаго лишь возобновленіемъ никогда не терявшаго силы договора Карла II, могло повредить положенію фонъ Бетмана Хольвега, какъ доказательство англійскаго лицемѣрія и лукавства.

Я указывалъ, что вступленіе къ нашему договору въ сущности повторяетъ содержаніе Виндзорскаго договора и другихъ аналогичныхъ трактатовъ, такъ какъ оно упоминаетъ, что мы будемъ защищать суверенныя права Португаліи и охранять неприкосно-

вѣнность ея владѣній. Напрасно! Несмотря на неоднократныя совѣщанія съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ, на которыхъ Министръ дѣлалъ все новыя предложенія относительно опубликованія, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ упорствовало въ своей точкѣ зрѣнія и въ концѣ концовъ сговорилось съ сэромъ Е. Гошепомъ, что все останется такъ же какъ было до тѣхъ поръ.

Договоръ, дававшій намъ чрезвычайныя выгоды, результатъ болѣе чѣмъ годичной работы, былъ такимъ образомъ разстроенъ, потому что онъ былъ бы моимъ явнымъ успѣхомъ.

Когда въ февралѣ 1914 г., за обѣдомъ въ Посольствѣ, я между прочимъ коснулся этого вопроса въ разговорѣ съ г. Харкуромъ (Harcourt), Министръ колоній заявилъ мнѣ, что онъ самъ смущенъ и не знаетъ какъ себя держать. Настоящее положеніе невыносимо, такъ какъ онъ (Харкуръ), съ одной стороны очень хочетъ считаться съ нашими правами, съ другой же не знаетъ, руководствоваться ли ему новымъ или же старымъ договоромъ. Поэтому крайне желательно выяснить положеніе и рѣшить дѣло, которое тянулось такъ долго.

Въ отвѣтъ на мое донесеніе объ этомъ я получилъ мало учтивое, но очень возбужденное указаніе, согласно которому я долженъ былъ воздерживаться отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ это дѣло.

Теперь я сожалѣю о томъ, что сейчасъ же послѣ этого не поѣхалъ въ Берлинъ, чтобы предоставить мой постъ въ распоряженіе монарха, и что я все еще не терялъ надежды на возможность установленія взаимопониманія между мною и руководящими лицами; это было роковымъ заблужденіемъ, которое немного мѣсяцевъ спустя отплатило мнѣ такимъ трагическимъ образомъ.

Какъ ни мало я пользовался тогда расположеніемъ высшаго государственнаго чиновника (такъ какъ онъ опасался, что я стремлюсь занять его мѣсто), тѣмъ не менѣе я долженъ отдать ему справедливость, что при нашемъ послѣднемъ совѣщаніи передъ началомъ военныхъ дѣйствій, въ концѣ іюня 1914 г., совѣщаніи, къ которому я еще вернусь позже, онъ далъ мнѣ свое согласіе на подписаніе и опубликованіе договора. Несмотря на это понадобились еще неоднократныя представленія, поддержанныя фонъ Сольвъ (Solf) въ Берлинѣ, чтобы наконецъ въ іюлѣ 1914 г. добиться окончательно его утвержденія. Но такъ какъ тогда сербскій кризисъ уже грозилъ миру Европы, то выполненіе

805-331
2991
БИБЛИОТЕКА

договора должно было быть отложено. Онъ тоже принадлежитъ къ числу жертвъ этой войны.

Багдадскій договоръ.

Одновременно, съ помощью фонъ Кюльмана, я велъ въ Лондонѣ переговоры относительно такъ называемаго Багдадскаго договора. Въ дѣйствительности онъ имѣлъ цѣлью раздѣленіе Малой Азіи на сферы вліянія, хотя, во вниманіе къ правамъ султана, это выраженіе старательно избѣгалось.

При этомъ сэръ Эдуардъ Грей повторялъ неоднократно, что у нихъ съ Франціей и Россіей не было никакихъ договоровъ о раздѣлѣ Малой Азіи.

Въ совѣщаніи съ участіемъ турецкаго представителя Хакки (Hakki), наши всѣ экономическіе вопросы, касающіеся нѣмецкихъ предпріятій были въ общемъ разрѣшены согласно желаніямъ Deutsche Bank. Наиболѣе важной уступкой, сдѣланной сэромъ Эдуардомъ Греемъ мнѣ лично, было согласіе на продолженіе желѣзной дороги до Басры. Между тѣмъ мы уже рѣшили не настаивать на этомъ и сдѣлать соединеніе въ Александретѣ; до этого времени Багдадъ былъ конечнымъ пунктомъ желѣзной дороги. О судоходствѣ на Шатъ-эль-Арабѣ должна была заботиться международная коммиссія. Намъ было предоставлено участвовать въ постройкѣ порта въ Басрѣ, а также мы получали право судоходства по Тигру, каковое право до тѣхъ поръ было монополіей фирмы „Lynch.“ По этому договору въ нашу сферу вліянія включалась вся Месопотамія до Басры (не нарушая старинныхъ правъ судоходства Англіи на Тигрѣ и правъ оросительныхъ сооруженій Вилькокса), а также вся область Багдадской и Анатолійской желѣзныхъ дорогъ.

Берегъ Персидскаго залива и Смирно-Аданская дорога были признаны входящими въ англійскую сферу экономическаго вліянія, Сирія — во французскую, и Арменія — въ русскую.

Если бы оба эти договора были заключены и опубликованы, то съ Англіей было бы достигнуто соглашеніе, уничтожавшее разъ навсегда всякое сомнѣніе въ возможности „an Anglo-German co-operation“ (англо-германскаго сотрудничества).

Вопросъ о флотѣ.

Самымъ труднымъ вопросомъ былъ и остался вопросъ о флотѣ. Его не всегда правильно понимаютъ.

Созданіе могущественнаго флота по другую сторону Сѣвернаго моря — превращеніе величайшей военной державы континента въ великую морскую державу — должно было вызвать въ Англіи по меньшей мѣрѣ чувство „ неудобства.“ Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для каждаго здравомыслящаго человѣка. Чтобы сохранить свое преимущество и не попасть въ зависимость, чтобы обезпечить господство на морѣ, необходимое ей, дабы не умереть съ голоду, Англія должна была итти по пути вооруженій и тратъ, которыя ложились тяжелымъ бременемъ на плательщиковъ налоговъ. При этихъ условіяхъ международному міровому положенію Англіи угрожала бы опасность, всякій разъ когда наша политика давала основаніе предполагать возможность военныхъ осложненій. Это и случилось при мароккскомъ и боснійскомъ кризисахъ.

Съ нашимъ флотомъ *въ уже установленныхъ для него рамкахъ* примирились; онъ конечно не былъ особенно желаннымъ для англичанъ и былъ одной, но вѣроятно не единственной и вѣроятно даже не самой главной, причиной присоединенія Англіи къ Франціи и Россіи; но *только* изъ за флота Англія не взялась бы за оружіе, какъ не сдѣлала бы этого изъ за нашей торговли, которой приписывали, что она была причиной зависти, а затѣмъ и войны.

Я съ самаго начала защищалъ ту точку зрѣнія, что *несмотря* на флотъ можно было добиться дружескихъ отношеній и сближенія съ Англіей, лишь бы мы не проводили новаго закона о флотѣ и *если бы опредѣленно мирную политику.* Я избѣгалъ говорить о флотѣ, и между мною и сэромъ Эдуардомъ Греемъ это слово никогда не было произнесено. Въ одномъ изъ засѣданій Кабинета сэръ Эдуардъ между прочимъ сказалъ: „ The present German Ambassador has never mentioned the fleet to me “ (теперешній германскій посланникъ никогда не упоминалъ мнѣ о флотѣ).

Во время моей службы г. Черчиль, тогдашній первый лордъ Адмиралтейства, возбудилъ, какъ извѣстно, вопросъ о такъ

называемомъ „Naval Holiday“ (морскомъ праздникѣ) и по финансовымъ соображеніямъ, а можетъ быть также, чтобы пойти навстрѣчу пассифистамъ, предложилъ годичный перерывъ вооруженій.

Оффиціально сэръ Эд. Грей не поддерживалъ этого предложенія и никогда о немъ не говорилъ со мной, Черчиль же убѣждалъ меня въ этомъ неоднократно.

Я увѣренъ, что его предложеніе было честно, такъ какъ изворотливость не въ характерѣ англичанина. Для Черчиля было бы большимъ успѣхомъ выступить передъ страной съ уменьшеніемъ расходовъ и быть въ состояніи облегчить тяжесть вооруженій, лежавшую на народѣ.

Я отвѣтилъ, что по техническимъ соображеніямъ не могу согласиться съ его мыслью. Что случилось бы тогда съ рабочими, которые были для этого наняты, какъ быть съ техническимъ персоналомъ? Наша программа военнаго судостроенія твердо установлена и въ ней трудно что либо измѣнить. Съ другой стороны мы не собираемся ее увеличивать. Затѣмъ онъ опять вернулся къ этому вопросу и указалъ, что средства, затрачиваемыя на колосальныя вооруженія, могли бы быть лучше употреблены на другія, болѣе полезныя цѣли. Я на это возразилъ, что и эти затраты были полезны для отечественной промышленности.

Мнѣ также удалось путемъ переговоровъ съ Тиреллемъ (Tyrrell), главнымъ секретаремъ сэра Эдуарда, не вызывая большихъ треній, снять этотъ вопросъ съ порядка дня (agenda), хотя къ нему и возвращались потомъ въ Парламентѣ, и предотвратить внесеніе официальнаго предложенія. Но этотъ проектъ былъ любимой мыслью Черчиля и Правительства, и я полагаю, что согласившись на его предложеніе, также какъ и на формулу 16 : 10 для большихъ военныхъ кораблей, мы бы дали осязательное доказательство нашихъ добрыхъ намѣреній и укрѣпили и усилили преобладавшее тогда желаніе Правительства вступить съ нами въ болѣе тѣсное общеніе.

И все же повторяю еще разъ, *несмотря на флотъ* и даже безъ „Naval Holiday“ можно было прійти къ соглашенію съ Англіей. Въ этомъ смыслѣ я съ самаго начала понялъ свою миссію, и мнѣ на дѣлѣ удалось осуществить мою программу, какъ вдругъ война разрушила все достигнутое.

„Торговая зависть."

„Торговая зависть," о которой у насъ такъ много говорятъ, основана на неправильномъ пониманіи существующихъ условій. Ростъ Германіи, какъ торговой державы, послѣ войны 1870 года и послѣдующихъ десятилѣтій, былъ угрозой интересамъ британскихъ торговыхъ круговъ, которые со своей промышленностью и экспортными предпріятіями занимали почти монопольное положеніе.

Однако возрастающій товарообмѣнъ съ Германіей, стоявшей по экспорту въ Англію во главѣ всѣхъ другихъ европейскихъ странъ (обстоятельство, на которое я всегда указывалъ въ моихъ публичныхъ рѣчахъ), вызывалъ у англичанъ желаніе остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ ихъ лучшимъ потребителемъ и дѣловымъ другомъ и постепенно вытѣснялъ всѣ другіе доводы.

Британецъ — человѣкъ практики, онъ беретъ вещи такими, какъ онѣ есть и не борется съ вѣтреными мельницами. Какъ разъ въ торговыхъ кругахъ я встрѣчалъ самое сильное желаніе итти мнѣ навстрѣчу и стремленіе развивать общіе экономическіе интересы. Въ дѣйствительности среди нихъ никто не интересовался ни русскимъ, ни итальянскимъ, ни австрійскимъ, ни даже французскимъ представителемъ, несмотря на его недюжинную личность и политическіе успѣхи. Общественнымъ вниманіемъ пользовались только американскій и нѣмецкій послы.

Съ цѣлью войти въ соприкосновеніе съ важными торговыми кругами, я принималъ приглашенія Соединенныхъ Торговыхъ Палатъ, а также Лондонской и Брадфордской Палатъ (Chamber) и былъ гостемъ Ньюкастля и Ливерпуля. Вездѣ я былъ предметомъ сердечнаго вниманія; Манчестеръ, Глазго и Эдинбургъ также приглашали меня, и я намѣревался туда тоже поѣхать.

На это со стороны людей, не знавшихъ англійскихъ условій и не понимавшихъ значенія „public dinners" (публичныхъ обѣдовъ), а также и со стороны тѣхъ, кому мои успѣхи были нежелательны, мнѣ былъ сдѣланъ упрекъ, что я своими рѣчами принесъ вредъ. Я же наоборотъ полагаю, что мои общественныя выступленія и мое подчеркиваніе общности экономическихъ интересовъ, не мало помогли улучшенію отношеній, независимо отъ

того, что было бы неловко и невѣжливо отклонить всѣ приглашенія.

Во всѣхъ другихъ кругахъ я встрѣчалъ также весьма дружественный пріемъ и теплое вниманіе — какъ при дворѣ, такъ и въ обществѣ, и у Правительства.

Дворъ и общество.

Король, хотя и не геніальный, но безвредный и доброжелательный человѣкъ съ большимъ здравымъ смысломъ („common sense"), стремился показать мнѣ свое расположеніе и искреннее желаніе помочь въ моей задачѣ. Несмотря на незначительность власти, которую англійская конституція предоставляетъ Королю, въ силу своего положенія, Король все же можетъ сильно вліять на настроеніе какъ общества такъ и Правительства. Корона вѣнчаетъ общественную пирамиду, она даетъ тонъ. Общество, главная масса котораго юніонисты (консерваторы), включая и женщинъ, издавна ревностно занималось политикой. Оно представлено въ House of Lords (Верхней Палатѣ), House of Commons (Палатѣ Общинъ), а также въ Кабинетѣ. Англичанинъ или принадлежитъ къ Society (обществу) или желалъ бы къ нему принадлежать. Его стремленіемъ было и остается быть джентельменомъ, и даже люди скромнаго происхожденія, какъ г. Асквисъ, очень любятъ вращаться въ обществѣ (свѣтѣ), особенно въ обществѣ красивыхъ, и изящныхъ женщинъ.

Британскій джентельменъ обѣихъ партій получаетъ одинаковое образованіе, посѣщаетъ тѣ же самые колледжи и университеты, занимается тѣмъ же самымъ спортомъ, будь то гольфъ, крикетъ, лаунъ теннисъ или поло. Всѣ въ юности играли въ крикетъ или футболъ, всѣ имѣютъ тѣ же самыя привычки и проводятъ „week-end" (конецъ недѣли) въ деревнѣ. Между партіями нѣтъ соціальной пропасти, а только политическая, которая за послѣдніе годы сдѣлалась соціальной лишь постолько, посколько политики обоихъ лагерей избѣгали другъ друга въ обществѣ. Даже на нейтральной почвѣ посольства нельзя было соединить оба лагеря, такъ какъ со времени veto и Home Rule Bill'я уніонисты презирали радикаловъ. Когда нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего прибытія королевская чета обѣдала у насъ, лордъ Лондондери покинулъ Посольство сейчасъ же послѣ обѣда, чтобы не оставаться вмѣстѣ

съ сэромъ Эд. Греемъ. Но это не противорѣчіе кастъ и образованія какъ во Франціи, это не два отдѣльныхъ міра, а одинъ и тотъ же міръ, и мнѣніе объ иностранцѣ у нихъ общее и оно вліяетъ на его политическое положеніе, управляетъ ли Асквисъ или лордъ Ленсдоунъ.

Въ Англіи не было кастоваго различія со времени Стюартовъ послѣ того, какъ гвельфы и олигархія виговъ въ противовѣсъ земельному дворянству — тори способствовали возвышенію городскихъ буржуазныхъ круговъ. Это скорѣе различіе политическихъ мнѣній по вопросамъ конституціи и налоговъ. Какъ разъ аристократы какъ Грей, Черчиль, Харкуръ, Крю, которые присоединились къ народной партіи — радикаламъ — были больше всѣхъ ненавидимы юніонистской аристократіей; никогда нельзя было встрѣтить ни одного изъ этихъ лицъ въ большихъ аристократическихъ домахъ, за исключеніемъ домовъ ихъ немногихъ партійныхъ друзей.

Насъ въ Лондонѣ встрѣтили съ распростертыми объятіями, и обѣ партіи соперничали другъ съ другомъ въ предупредительности. Было бы ошибкой недооцѣнить важность общественныхъ отношеній при той тѣсной связи, которая существуетъ въ Англіи между обществомъ и политикой, даже въ томъ случаѣ, когда значительное большинство верхнихъ десяти тысячъ находится въ оппозиціи Правительству.

Между г. Асквисомъ и герцогомъ Девонширскимъ вовсе нѣтъ такой непроходимой пропасти, какъ напр. между г. Бріаномъ и герцогомъ Дудовиль. Правда во время сильныхъ обостреній они не видятся; они принадлежатъ къ двумъ разнымъ общественнымъ группамъ, но все же это части, хотя и разныхъ ступеней, *одного* и того же общества, центромъ котораго является дворъ. Они имѣютъ общихъ друзей и однѣ и тѣ же привычки; въ большинствѣ случаевъ, они знаютъ другъ друга съ юности и очень часто находятся въ родствѣ и свойствѣ.

Такіе феномены, какъ г. Ллойдъ Джоржъ — человѣкъ изъ народа, мелкій адвокатъ и self-made man — являются исключеніями. Даже г. Бёрнсъ (Burns) соціалистъ, лидеръ рабочей партіи и самоучка дѣлалъ попытки проникнуть въ общество. При этомъ столь распространенномъ стремленіи прослыть джентельменомъ, идеаломъ котораго до сихъ поръ является большой аристократъ, не слѣдуетъ недооцѣнивать мнѣнія общества и его отношенія.

Поэтому соціальная приспособляемость дипломатическаго представителя нигдѣ не играетъ такой роли какъ въ Англіи. Гостепріимный домъ съ привѣтливыми хозяевами важнѣе самыхъ глубокихъ научныхъ познаній, и ученый съ провинціальными манерами и съ ограниченными средствами, не могъ бы добиться никакого вліянія, несмотря на всѣ его знанія.

Британецъ ненавидитъ a bore, a schemer and a prig (скучныхъ людей, интригантовъ и фатовъ); онъ любитъ добрыхъ малыхъ.

Сэръ Эдуардъ Грей.

Вліяніе сэра Эдуарда Грея во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики было почти неограничено. Правда въ важныхъ случаяхъ онъ говорилъ: „I must first bring it before the Cabinet“ (я долженъ объ этомъ предварительно доложить Совѣту Министровъ), но этотъ послѣдній рѣшительно всегда присоединялся къ его мнѣнію. Авторитетъ Грея былъ безспоренъ. Хотя онъ совершенно не знаетъ за границы и, кромѣ одного путешествія въ Парижъ, никогда не покидалъ Англіи, благодаря своему долголѣтнему парламентскому опыту и природной смѣтливости, Грей хорошо понимаетъ всѣ важные вопросы. По французски онъ понимаетъ, но не говоритъ. Съ юныхъ лѣтъ избранный въ Парламентъ, онъ вскорѣ сталъ заниматься внѣшней политикой. При лордѣ Розбери былъ парламентарнымъ товарищемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, а при г. Кемпбель Баннерманѣ въ 1906 году его назначили Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, каковой постъ онъ и занимаетъ уже 10 лѣтъ.

Происходя изъ стариннаго рода, который владѣетъ помѣстьями на сѣверѣ Англіи и уже далъ одного виднаго государственнаго дѣятеля Грея, сэръ Эдуардъ присоединился къ лѣвому крылу своей партіи и симпатизировалъ соціалистамъ и пассифистамъ. Его можно назвать соціалистомъ въ идеальномъ смыслѣ слова, потому что онъ теорію проводитъ и въ своей частной жизни, которая отличается чрезвычайной простотой и непритязательностью, несмотря на его значительныя средства. Онъ чуждъ всего показного. Въ Лондонѣ у него былъ небольшой домъ. Онъ никогда не давалъ обѣдовъ, за исключеніемъ одного оффиціальнаго въ Foreign Office (въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ) въ день рожденія Короля. Если въ видѣ исключенія Грей собиралъ у себя нѣсколько

человѣкъ, то это было всегда за простымъ обѣдомъ или завтракомъ, въ самомъ тѣсномъ кругу и съ женской прислугой. Онъ также избѣгалъ большихъ собраній и праздниковъ.

„Week-end“ сэръ Эдуардъ всегда проводитъ, какъ и его коллеги, въ деревнѣ, но не въ элегантномъ большомъ обществѣ.

Чаще всего онъ остается въ своемъ коттеджѣ въ New Forest'ѣ, гдѣ дѣлаетъ большія прогулки, съ цѣлью наблюдать за жизнью птицъ, такъ какъ онъ страстный любитель природы и орнитологъ. Иногда онъ отправлялся въ свое сѣверное имѣніе, гдѣ кормилъ бѣлокъ, приходившихъ къ нему черезъ окно и разводилъ различныя породы водяныхъ птицъ.

Грей особенно любилъ уѣзжать въ Норфольскія болота, гдѣ онъ занимался наблюденіемъ надъ цаплями рѣдкой породы, которыя тамъ гнѣздятся и высиживаютъ яйца.

Въ молодости сэръ Эдуардъ былъ извѣстнымъ игрокомъ въ крикетъ и теннисъ; теперь же его главнымъ спортомъ является уженіе форелей и лососины въ Шотландскихъ рѣкахъ вмѣстѣ со его другомъ лордомъ Гленконперомъ (Glenconner), зятемъ Асквиса. „All the rest of the year I am looking forward to it“ (Впродолженіи всего года я мечтаю объ этомъ). Грей напечаталъ книгу о рыбной ловлѣ.

Однажды, когда мы проводили „week-end“ съ нимъ однимъ у лорда Гленконне, вблизи Сальсбери, онъ пріѣхалъ на своемъ велосипедѣ и такимъ же образомъ вернулся въ свой котеджъ, находившійся въ разстояніи 30 миль.

Его простота и честность завоевали ему уваженіе даже у противниковъ, которыхъ было больше въ области внутренней политики, чѣмъ внѣшней. Грей совершенно чуждъ лжи и интриги.

Его жена, которую онъ нѣжно любилъ, и съ которой никогда не разставался, умерла вслѣдствіе паденія изъ экипажа, которымъ сама правила. Какъ извѣстно одинъ изъ его братьевъ былъ растерзанъ львомъ.

Любимый поэтъ Грея — Вордсвордъ (Wordsworth), стихи котораго онъ можетъ привести на память.

Его холодному и спокойному англійскому характеру не чуждо чувство юмора. Однажды, когда Грей завтракалъ у насъ вмѣстѣ съ дѣтьми и услышалъ ихъ нѣмецкій разговоръ, онъ сказалъ: „I can't help thinking how clever these children are to talk German so well“ (я не могу не удивляться, какъ умны эти дѣти,

умѣющій такъ хорошо говорить по нѣмецки), и самъ былъ очень доволенъ своей остротой.

Таковъ человѣкъ, котораго представляли какъ „Лжеца-Грея," виновника міровой войны.

Асквисъ.

Асквисъ — человѣкъ совершенно иного типа. Жизнерадостный, bon vivant, поклонникъ женщинъ, особенно молодыхъ и хорошенькихъ, онъ любитъ веселое общество и хорошую кухню и въ этомъ находитъ поддержку въ своей жизнерадостной супругѣ. Нѣкогда извѣстный адвокатъ съ крупнымъ доходомъ, многолѣтній парламентарій, впослѣдствіи Министръ при Гладстонѣ, пацифистъ, какъ и его другъ Грей, и сторонникъ соглашенія съ Германіей, Асквисъ ко всѣмъ вопросамъ подходилъ съ веселымъ спокойствіемъ и увѣренностью опытнаго дѣлового человѣка, хорошее здоровье и чудесные нервы котораго были укрѣплены усердной игрою въ гольфъ.

Дочери его учились въ нѣмецкихъ пансіонахъ и свободно говорили по нѣмецки. Въ короткое время мы подружились съ нимъ и съ его семьей и часто у него бывали въ его небольшомъ домикѣ на Темзѣ.

Внѣшней политикой Асквисъ занимался только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло шло о важныхъ вопросахъ; тогда конечно окончательное рѣшеніе оставалось за нимъ.

Въ критическіе іюльскіе дни Асквисъ неоднократно приходилъ къ намъ, чтобы меня предостеречь и въ концѣ концовъ былъ въ совершенномъ отчаяніи отъ трагическаго поворота (событій). Когда 2-го августа я посѣтилъ Асквиса, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку (удержать Англію) остаться выжидательно нейтральной, онъ былъ совершенно разбитъ, хотя и вполнѣ спокоенъ. Слезы текли у него по обѣимъ щекамъ.

Никольсонъ.

Послѣ Министра въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ наибольшимъ вліяніемъ пользовались Никольсонъ (Nicolson) и Тирреллъ (Tyrrell). Первый не былъ нашимъ другомъ, но въ своихъ отношеніяхъ со мной былъ абсолютно корректенъ и любе-

зенъ. У меня съ нимъ были прекрасныя отношенія. Онъ также не желалъ войны, но когда мы выступили противъ Франціи, то несомнѣнно сталъ работать въ духѣ немедленнаго присоединенія (Англіи). Никольсонъ былъ весьма близокъ съ моимъ французскимъ коллегой, съ которымъ находился въ постоянномъ общеніи; у него было желаніе замѣнить лорда Берти въ Парижѣ.

Какъ извѣстно, сэръ Артуръ раньше былъ посломъ въ Петербургѣ и заключилъ тамъ договоръ 1907 г., который далъ Россіи возможность вновь обратить свое вниманіе на Западъ и Ближній Востокъ.

Тиррелль.

Сэръ В. Тиррелль, личный секретарь (private secretary) сэра Эдуарда, имѣлъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ Товарищъ Министра. Этотъ высоко интеллигентный человѣхъ учился въ гимназіи въ Германіи, послѣ чего посвятилъ себя дипломатіи, хотя только короткое время былъ за границей. Въ началѣ онъ присоединился къ тогда еще модному среди болѣе молодыхъ британскихъ дипломатовъ, антигерманскому направленію, но затѣмъ сталъ убѣжденнымъ сторонникомъ соглашенія съ нами. Въ этомъ смыслѣ онъ вліялъ на сэра Эдуарда Грея, съ которымъ былъ очень близокъ. Съ начала войны онъ бросилъ службу и поступилъ въ Home Office (Министерство Внутреннихъ Дѣлъ)-вѣроятно ввиду нападокъ, которымъ подвергся за свое германофильство.

Отношеніе Министерства (Иностранныхъ Дѣлъ).

Ярость нѣкоторыхъ господъ по поводу моихъ успѣховъ въ Лондонѣ и того положенія, которое я себѣ завоевалъ въ такое короткое время, была неописуема. Чтобы затруднить мою работу они придумывали каверзныя инструкціи и оставляли меня въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно важныхъ дѣлъ, ограничиваясь сообщеніемъ мелкихъ и неинтересныхъ донесеній.

Донесенія тайныхъ агентовъ по дѣламъ, о которыхъ я безъ шпіонства и необходимыхъ суммъ ничего не могъ узнать, никогда не были мнѣ доступны, и лишь въ послѣдніе дни іюля 1914 года, я случайно узналъ черезъ морского агента о тайныхъ

англо-французскихъ переговорахъ относительно совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ флотовъ въ случаѣ войны. Отъ меня были скрыты также и другіе важные и давно извѣстные Министерству факты, какъ напримѣръ переписка Грей — Камбонъ.

Поводъ къ войнѣ.

Вскорѣ послѣ моего прибытія (въ Лондонъ) у меня создалось убѣжденіе, что *ни при какихъ обстоятельствахъ* намъ не слѣдуетъ опасаться англійскаго нападенія или поддержки Англіей чужого нападенія на насъ, но что *при всякихъ обстоятельствахъ Англія будетъ защищать французовъ*. Эту точку зрѣнія я постоянно, съ большой настойчивостью поддерживалъ и доказывалъ въ своихъ неоднократныхъ сообщеніяхъ, но мнѣ не вѣрили, хотя отклоненіе формулы нейтралитета лордомъ Хольданомъ и поведеніе Англіи во время Марокканскаго кризиса были довольно яснымъ указаніями въ этомъ смыслѣ. Къ этому можно еще прибавить уже упомянутыя и извѣстныя Министерству тайныя соглашенія. Я всегда указывалъ, что при всякой войнѣ между Европейскими державами, Англія, какъ торговое государство должна сильно пострадать; поэтому она должна была съ одной стороны стараться предотвратить войну всѣми средствами, съ другой же, въ интересахъ Европейскаго равновѣсія и чтобы помѣшать германскому преобладанію, она никогда не могла бы потерпѣть ослабленія или уничтоженія Франціи. Это мнѣ сказалъ вскорѣ послѣ моего прибытія лордъ Хольданъ. Въ томъ же смыслѣ высказывались и всѣ другія вліятельныя лица.

Сербскій кризисъ.

Въ концѣ іюня, по Высочайшему повелѣнію, я отправился въ Киль. За нѣсколько недѣль до этого я былъ пожалованъ званіемъ почетнаго доктора Оксфордскаго университета — честь которой со временъ фонъ Бунзена не удостаивался ни одинъ изъ германскихъ пословъ. На борту Метеора мы узнали о смерти эрцгерцога престолонаслѣдника. Его В-ство высказалъ, что Его попытки убѣдить эрцгерцога присоединиться къ его точкѣ зрѣнія оказались такимъ образомъ напрасными. Мнѣ неизвѣстно былъ ли уже въ Конопиштѣ составленъ планъ активной политики

противъ Сербіи. Не будучи освѣдомленъ о настроеніяхъ и событіяхъ въ Вѣнѣ, я не придалъ этому событію серьезнаго значенія. Лишь впослѣдствіи я установилъ, что среди австрійскихъ аристократовъ это извѣстіе вызвало чувство большого облегченія. На борту Метеора былъ въ качествѣ гостя Императора также и австріецъ гр. Феликсъ Тунъ. Страдая несмотря на чудную погоду морской болѣзнью, онъ все время лежалъ въ своей каютѣ. По полученіи же извѣстія (о смерти эрцгерцога) онъ сразу выздоровѣлъ. Испугъ или радость его излѣчили.

Прибывъ въ Берлинъ я видѣлся съ Канцлеромъ и сказалъ ему, что считаю наше международное положеніе вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ съ Англіей наши отношенія такъ хороши, какъ давно не были раньше. Во Франціи также у власти находится миролюбивое Министерство.

Фонъ Бетманъ-Хольвегъ повидимому не раздѣлялъ моего оптимизма и жаловался на русскія вооруженія. Я старался его успокоить, особенно подчеркивая, что Россіи на насъ нападать не было никакого интереса, и что такое нападеніе не встрѣтило бы никогда поддержки ни со стороны Англіи ни Франціи, такъ какъ обѣ онѣ желали мира. Вслѣдъ за этимъ я посѣтилъ доктора Циммермана, замѣнявшаго фонъ Ягова, и узналъ отъ него, что Россія собирается выставить 900,000 новыхъ войскъ. Въ словахъ его звучало явное недовольство Россіей, которая повсюду становится намъ поперекъ дороги. Были также затрудненія и экономическаго характера. О томъ, что генералъ фонъ Мольтке настаивалъ на войнѣ мнѣ конечно ничего не сказали. Но я узналъ, что фонъ Чирскому было выражено неудовольствіе за его сообщеніе, что въ Вѣнѣ онъ совѣтовалъ умѣренность по отношенію къ Сербіи.

На пути изъ Силезіи въ Лондонъ я остановился на нѣсколько часовъ въ Берлинѣ и тамъ узналъ, что Австрія предполагала выступить противъ Сербіи, чтобы положить конецъ невозможному положенію.

Къ сожалѣнію въ тотъ моментъ я не понялъ важности этого извѣстія. Я думалъ, что изъ этого опять ничего не выйдетъ, и что дѣло легко будетъ уладить, даже въ случаѣ угрозы со стороны Россіи. Теперь я глубоко раскаиваюсь въ томъ, что не остался въ Берлинѣ и не заявилъ тогда же, что не могу принять участія въ такой политикѣ.

Позже я узналъ, что 5-го іюля, на рѣшительномъ совѣщаніи въ Потсдамѣ, Вѣнскій запросъ получилъ безусловное одобреніе всѣхъ руководящихъ лицъ, причемъ было даже добавлено, что дѣло бы не измѣнилось, если бы изъ за этого возникла война съ Россіей. Такъ по крайней мѣрѣ было записано объ этомъ въ австрійскомъ протоколѣ, полученномъ въ Лондонѣ гр. Менсдорфъ. Скоро послѣ этого фонъ Яговъ былъ въ Вѣнѣ, чтобы обо всемъ переговорить съ гр. Бертхольдомъ.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ указаніе воздѣйствовать на англійскую прессу, чтобы она заняла благожелательную позицію, когда Австрія нанесетъ „смертельный ударъ“ великосербскому движенію, и помѣшать по возможности тому, чтобы общественное мнѣніе обратилось противъ Австріи. Воспоминаніе объ отношеніи Англіи во время аннексіонистскаго кризиса, когда общественное мнѣніе явно симпатизировало сербскимъ правамъ на Боснію, и благожелательная поддержка англичанами національныхъ движеній лорда Байрона и Гаррибалди, дѣлали вѣроятность сочувствія предположенной карательной экспедиціи противъ убійцъ эрцгерцога настолько малой, что я былъ вынужденъ сдѣлать серьезныя предостереженія. Я также предостерегалъ и противъ проекта въ его цѣломъ, называя его авантюристическимъ и опаснымъ, и совѣтовалъ рекомендовать Австріи умѣренность, такъ какъ не вѣрилъ въ локализацію конфликта.

Фонъ Яговъ отвѣтилъ мнѣ, что Россія къ войнѣ не готова, что конечно это произведетъ нѣкоторый шумъ, но чѣмъ упорнѣе мы будемъ стоять за Австрію, тѣмъ больше отступитъ Россія. Австрія и безъ того обвиняла насъ въ слабости, и потому мы не можемъ покинуть ее въ затруднительномъ положеніи; что, съ другой стороны, настроеніе въ Россіи по отношенію къ Германіи становится все враждебнѣе, и что поэтому мы должны рискнуть.

Ввиду такого положенія, которое, какъ я послѣ узналъ, основывалось на донесеніи гр. Пурталеса, что Россія ни въ какомъ случаѣ не выступитъ, и которое побуждало графа Берхтольда къ самымъ энергичнымъ дѣйствіямъ, я рѣшился искать выхода въ англійскомъ посредничествѣ, такъ какъ я зналъ, что вліяніе сэра Эд. Грея можно было использовать въ пользу мира. Поэтому я воспользовался моими дружественными отношеніями къ Министру, чтобы просить его довѣрительно посовѣтовать Россіи

быть умѣренной, если бы Австрія, какъ повидимому къ тому шло, потребовала отъ Сербіи удовлетворенія.

Первоначально настроеніе англійской прессы было спокойное и къ австрійцамъ дружелюбное, такъ какъ убійство осуждали, но постепенно все слышнѣе дѣлались голоса, указывавшіе на то, что какъ ни важно наказаніе преступленія, использованіе его съ политическими цѣлями не можетъ быть оправдано. Австріи при этомъ настойчиво совѣтовалось быть умѣренной.

При появленіи ультиматума въ печати всѣ органы, за исключеніемъ постоянно нуждавшагося и повидимому оплачиваемаго австрійцами Standard'а, были единодушны въ его осужденіи. Весь міръ, кромѣ Берлина и Вѣны, понималъ, что это означало войну — и войну міровую. Британскій флотъ, который случайно былъ собранъ для морского смотра, не былъ демобилизованъ.

Я прежде всего сталъ настаивать на возможно мягкомъ отвѣтѣ Сербіи, такъ какъ отношеніе Русскаго правительства тогда уже не оставляло сомнѣнія въ серьезности положенія.

Сербскій отвѣтъ соотвѣтствовалъ англійскимъ стараніямъ, такъ какъ въ сущности Пашичъ согласился на все кромѣ двухъ пунктовъ, относительно которыхъ онъ выражалъ готовность вступить въ переговоры. Если бы Россія и Англія хотѣли войны, чтобы имѣть возможность напасть на насъ, то достаточно было ихъ намека въ Бѣлградѣ, и неслыханная нота осталась бы безъ отвѣта.

Сэръ Эдуардъ Грей просмотрѣлъ сербскій отвѣтъ вмѣстѣ со мной и указалъ на предупредительное отношеніе Правительства въ Бѣлградѣ. Послѣ этого мы съ нимъ обсудили предложеніе посредничества, которое должно было заключать въ себѣ разрѣшеніе, пріемлемое для обѣихъ сторонъ. Подъ его предсѣдательствомъ должны были собраться Камбонъ, маркизъ Имперіали и я, и намъ было бы легко найти пріемлемую формулу разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, которые главнымъ образомъ касались участія австрійскихъ чиновниковъ въ разслѣдованіяхъ въ Бѣлградѣ. При добромъ желаніи это можно было бы сдѣлать въ одномъ или двухъ засѣданіяхъ, и достаточно было нашего согласія на англійское предложеніе, чтобы ослабить напряженность положенія и еще улучшить наши отношенія къ Англіи. Поэтому я горячо поддерживалъ предложеніе, такъ какъ было ясно, что иначе міровая война, въ которой мы все теряли и ничего не выигрывали, была неизбѣжна. Напрасно! Этого не

дозволяетъ достоинство Австріи, мы не желаемъ вмѣшиваться въ Сербскія дѣла и предоставляемъ Сербію нашему союзнику. Я долженъ вліять лишь въ смыслѣ „локализаціи конфликта."

Конечно одинъ намекъ изъ Берлина заставилъ бы гр. Берхтольда удовольствоваться дипломатическимъ успѣхомъ и успокоиться на сербскомъ отвѣтѣ. Но этого намека не было дано, наоборотъ, Австрію наталкивали на войну. А между тѣмъ это было бы такимъ успѣхомъ.

Послѣ нашего отказа сэръ Эдуардъ просилъ насъ сдѣлать свое предложеніе. Но мы настаивали на войнѣ. Я не могъ получить другого отвѣта, кромѣ того, что Австрія проявила чрезвычайную „уступчивость," не потребовавъ увеличенія территоріи.

На это сэръ Эдуардъ совершенно правильно указалъ, что страну можно унизить до полной зависимости и безъ территоріальныхъ завоеваній и что Россія, считая это униженіемъ, этого не потерпитъ.

Все болѣе и болѣе распространялось мнѣніе, что мы желаемъ войны во что бы то ни стало, такъ какъ иначе нельзя было объяснить наше отношеніе къ вопросу, который насъ прямо не касался. Усиленныя просьбы и опредѣленныя заявленія Сазонова, а затѣмъ явно покорныя телеграммы Царя, неоднократныя предложенія сэра Эдуарда, предостереженія маркиза Санъ Джуліано и г. Болати, мои настойчивые совѣты, все было безполезно. Въ Берлинѣ остались того мнѣнія, что Сербія должна подвергнуться избіенію.

Чѣмъ больше я настаивалъ, тѣмъ меньше они шли на уступки, чтобы мнѣ съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ не принадлежала заслуга спасенія мира.

Тогда, 29-го, послѣдній рѣшился на извѣстное предостереженіе. Я возразилъ, что я постоянно сообщалъ о томъ, что намъ придется считаться съ Англіей если бы дошло до войны съ Франціей. Нѣсколько разъ министръ мнѣ повторилъ „If war breaks out it will be the greatest catastrophe the world has ever seen" (если война возникнетъ, это будетъ величайшей катастрофой, которую когда либо видѣлъ міръ).

Послѣ этого, событія стали быстро слѣдовать одно за другимъ. Когда наконецъ гр. Берхтольдъ, который до тѣхъ поръ по указанію изъ Берлина разыгрывалъ роль человѣка съ сильной волей, согласился уступить, мы отвѣтили послѣ того, какъ Россія

цѣлую недѣлю напрасно вела переговоры и ждала, на русскую мобилизацію, ультиматумомъ и объявленіемъ войны.

Объявленіе войны Англіей.

Сэръ Эдуардъ Грей все еще старался найти выходъ изъ положенія. Перваго августа утромъ ко мнѣ пришелъ В. Тиррелль, чтобы сообщить, что его начальникъ все еще не теряетъ надежды найти выходъ. Остались ли бы мы нейтральными, если бы то же сдѣлала и Франція? Я понялъ, что въ такомъ случаѣ мы должны были бы быть готовыми пощадить Францію, онъ же имѣлъ ввиду нашъ нейтралитетъ вообще, т.е. и по отношенію къ Россіи.* Это и было извѣстнымъ недоразумѣніемъ. Сэръ Эдуардъ просилъ меня зайти къ нему днемъ. Сэръ же В. Тиррелль тотчасъ отправился къ Грею, который какъ разъ въ это время былъ въ засѣданіи Кабинета и вызвалъ меня къ телефону. Днемъ же онъ главнымъ образомъ говорилъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ и о возможности остаться Франціи и намъ вооруженными, но не нападая другъ на друга.

Словомъ это вообще было не предложеніе, а ни къ чему не обязывающій вопросъ, такъ какъ вскорѣ послѣ этого должно было состояться наше совѣщаніе, о которомъ я упомянулъ выше. Въ Берлинѣ же, не выждавъ результатовъ совѣщанія, на основаніи моего сообщенія предприняли рѣшительные шаги. Потомъ было получено письмо отъ Пуанкаре, письмо Бонаръ Лоу и телеграмма короля Альберта. Между тѣмъ колебавшіеся раньше члены Кабинета, за исключеніемъ трехъ, которые подали въ отставку, сдѣлались сторонниками рѣшительныхъ дѣйствій.

До самой послѣдней минуты, я все еще надѣялся, что Англія займетъ выжидательное положеніе. И мой французскій коллега, какъ я узналъ изъ частныхъ источниковъ, не чувствовалъ себя спокойно. Еще перваго августа Король отвѣчалъ Президенту уклончиво, но въ телеграммѣ изъ Берлина, которая сообщала объ угрожающей опасности войны, Англія упоминалась уже какъ противникъ. Значитъ въ Берлинѣ уже считались съ возможностью войны съ Англіей.

---

* Ob wir neutrallen bleiben wollten, falls Frankreich es auch täte. Ich verstand, dass wir dann bereit sein sollten, Frankreich zu schonen, er hatte aber gemeint, dass wir überhaupt, also auch gegen Russland neutral bleiben.

При моемъ отъѣздѣ, 5-го, сэръ Эдуардъ Грей принялъ меня въ своемъ помѣщеніи. Я пришелъ къ нему по его собственному желанію. Онъ былъ глубоко взволнованъ. Онъ мнѣ сказалъ, что всегда будетъ готовъ служить посредникомъ: „We don't want to crush Germany" (мы не хотимъ раздавить Германію). Къ сожалѣнію эта довѣрительная бесѣда была разглашена. Этимъ самымъ Бетманъ Гольвегъ уничтожилъ послѣднюю возможность добиться мира при посредствѣ Англіи.

Нашъ отъѣздъ совершился совершенно спокойно и съ большимъ достоинствомъ. Передъ этимъ меня посѣтилъ сэръ Понсонби (Ponsonby) шталмейстеръ (equerry) короля, посланный Его Величествомъ для выраженія сожалѣнія о моемъ отъѣздѣ и о невозможности меня видѣть. Принцесса Луиза написала мнѣ, что вся семья огорчена моимъ отъѣздомъ. Г-жа Асквисъ и другіе друзья пріѣхали въ посольство для прощанья.

Экстренный поѣздъ привезъ насъ въ Гарвичъ, гдѣ для меня былъ поставленъ почетный караулъ. Ко мнѣ отнеслись какъ къ отъѣзжавшему монарху. Такъ кончилась моя Лондонская миссія.

Она не удалась не благодаря хитрости англичанъ, а благодаря ухищреніямъ нашей собственной политики.

Въ Лондонѣ на вокзалѣ находился гр. Менсдорфъ со своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и далъ мнѣ понять, что можетъ быть тамъ останется, англичанамъ же онъ сказалъ, что мы, а не Австрія желали войны.

Взглядъ назадъ.

Когда я теперь, черезъ два года, оглядываюсь на все происшедшее, я прихожу къ убѣжденію, что я слишкомъ поздно понялъ, что мнѣ не было мѣста въ системѣ, которая уже годами жила только традиціей и рутиной и терпѣла только такихъ представителей, которые посылали сообщенія угодныя начальству.

Отсутствіе предвзятости и независимость сужденій преслѣдовались, неспособность и слабоволіе восхвалялись и цѣнились, успѣхи же вызывали немилость и безпокойство.

Я прекратилъ сопротивленіе безумной политикѣ Тройственнаго Союза, такъ какъ убѣдился, что это было безцѣльно, и что на мои предостереженія смотрѣли какъ на „Austrophobia" (вражду противъ Австріи), какъ на idée fixe. Въ политикѣ, которая не

акробатство, и не игра, а серьезная профессія, не можетъ быть ни *фильства*, ни *фобства* (дружбы или вражды), а только интересъ цѣлаго. Политика же, опирающаяся лишь на австрійцевъ, мадьяровъ и турокъ, должна всегда приводить къ конфликту съ Россіей и, въ концѣ концовъ, къ катастрофѣ.

Несмотря на прежнія ошибки, въ іюлѣ 1914 года все еще могло быть исправлено. Соглашеніе съ Англіей было достигнуто. Намъ нужно было послать въ Петербугъ представителя хотя бы со средними политическими способностями и убѣдить Россію, что мы не желаемъ ни завладѣть проливами ни задушить Сербію. „Lâcher l'Autriche et nous lâcherons les Français“ (Бросьте Австрію и мы бросимъ французовъ) сказалъ намъ Сазоновъ. А Камбонъ сказалъ фонъ Ягову: „Vous n'avez pas besoin de suivre l'Autriche partout“ (Вамъ нѣтъ надобности слѣдовать за Австріей повсюду).

Намъ нужны были не союзы или войны, а только договоры, которые охраняли бы насъ отъ другихъ и обезпечивали бы наше экономическое развитіе, не имѣвшее себѣ подобнаго въ исторіи. Если бы Россія была освобождена на Западѣ, то она опять обратилась бы на Востокъ, и англо-русское соперничество автоматически возникло бы вновь и безъ нашего вмѣшательства, совершенно также какъ и русско-японское.

Мы могли бы затѣмъ болѣе основательно разобрать вопросъ о сокращеніи вооруженій и намъ не нужно было особенно заботиться объ австрійскихъ осложненіяхъ. Тогда Австро-Венгрія стала бы вассаломъ Германіи и безъ союза, а главное безъ нашихъ добрыхъ услугъ, которыя въ конечномъ результатѣ вели къ войнѣ за освобожденіе Польши и разрушеніе Сербіи, хотя германскіе интересы требовали какъ разъ обратнаго.

Я долженъ былъ поддерживать въ Лондонѣ политику, ложность которой понималъ. За это я долженъ былъ понести кару, такъ какъ это было преступленіемъ противъ Святого Духа.

Мое возвращеніе.

Вернувшись въ Берлинъ, я тотчасъ же увидѣлъ, что буду сдѣланъ козломъ отпущенія за катастрофу, которая была вызвана нашимъ Правительствомъ, вопреки моимъ совѣтамъ и предостереженіямъ.

Въ оффиціальныхъ кругахъ распространялось, что я далъ себя обмануть сэру Эд. Грею, такъ какъ если бы онъ не желалъ войны, то Россія не мобилизовалась бы. Графа же Пурталесъ, сообщеніямъ котораго можно было вполнѣ довѣрять, нужно было пощадить хотя бы ради его родства. Онъ дѣйствовалъ „великолѣпно," его хвалили безумно, меня же строго осуждали. „Какое дѣло Россіи до Сербіи?" сказалъ мнѣ этотъ государственный дѣятель, послѣ 8-ми лѣтней службы въ Петроградѣ. Все это было англійской интригой, которую я не замѣтилъ. Въ Министерствѣ же Иностранныхъ Дѣлъ мнѣ заявили, что во всякомъ случаѣ въ 1916 году должна была возникнуть война. Россія была бы тогда готовой и потому лучше, что это случилось теперь.

Вопросъ о виновности.

Изъ всѣхъ оффиціальныхъ сообщеній выясняется, и это не опровергается и нашей бѣлой книгой, которая по бѣдности своего содержанія и пропускамъ представляетъ собой тяжелое самообвиненіе, нижеслѣдующее:

1. Мы поощряли гр. Берхтольда напасть на Сербію, хотя этого не требовали германскіе интересы, и намъ была извѣстна опасность міровой войны (при этомъ совершенно безразлично, знали ли мы точный текстъ ультиматума).

2. Въ дни между 23 и 30 іюлемъ 1914 года, когда Сазоновъ опредѣленно заявилъ, что Россія не потерпитъ нападенія на Сербію, мы отклонили англійское предложеніе посредничества, хотя Сербія, подъ давленіемъ Россіи и Англіи, приняла ультиматумъ почти цѣликомъ, и хотя соглашеніе по поводу обоихъ спорныхъ вопросовъ было легко достижимо, и даже гр. Берхтольдъ былъ готовъ удовлетвориться сербскимъ отвѣтомъ.

3. 30 іюля, когда гр. Берхтольдъ хотѣлъ прійти къ соглашенію, и несмотря на то, что на Сербію еще никто не напалъ, мы въ отвѣтъ на мобилизацію въ Россіи, послали въ Петроградъ ультиматумъ, а 31 іюля объявили русскимъ войну, несмотря на то, что царь своимъ словомъ гарантировалъ, что онъ не позволитъ двинуться ни одному

человѣку, пока ведутся переговоры. Такимъ образомъ мы сознательно уничтожили возможность мирнаго разрѣшенія конфликта.

Послѣ этого нечего удивляться, если ввиду такихъ безспорныхъ фактовъ внѣ Германіи весь культурный міръ считаетъ насъ виновниками міровой войны.

Точка зрѣнія враговъ.

Отсюда понятно заявленіе нашихъ враговъ, о томъ, что они не сложатъ оружія, пока не будетъ уничтожена система, представляющая постоянную опасность для нашихъ сосѣдей. Развѣ они не должны опасаться, что въ противномъ случаѣ черезъ нѣсколько лѣтъ имъ снова придется браться за оружіе, и снова они увидятъ свою страну наводненной врагами и свои города и села уничтоженными. Развѣ не оказались правыми тѣ, кто говорилъ, что среди Германскаго народа господствуетъ духъ Трейчке и Бернгарди (Treitschke и Bernhardi), прославляющій войну какъ самоцѣль, а не ненавидящій ее какъ зло, что у насъ еще управляетъ и создаетъ идеалы и цѣнности не гражданинъ, а феодальный юнкеръ и рыцарь — военная каста, что любовь къ поединкамъ, одушевляющая академическую молодежь, жива и въ тѣхъ, кто управляетъ судьбами народа? Развѣ событія въ Цабернѣ и ихъ обсужденіе въ Парламентѣ не показали за границей, какъ мало мы цѣнимъ права и свободу гражданина, когда они сталкиваются съ вопросами военной силы.

Покойный историкъ Крамбъ (Cramb), человѣкъ очень остроумный, поклонникъ Германіи, облекъ германское міровозрѣніе въ слова Эфоріона (Euphorion).

Мечтаешь ли ты о днѣ мира?
Мечтай, кто можетъ мечтать.
Война, вотъ нашъ общій лозунгъ!
Побѣда — вотъ нашъ припѣвъ!

Милитаризмъ, который въ сущности является орудіемъ политики, превращаетъ политику въ орудіе военной силы, если патріархальный абсолютизмъ солдатскаго государства дѣлаетъ возможными отношенія, которыхъ демократія, не находящаяся подъ вліяніемъ военныхъ юнкеровъ, никогда бы не допустила.

Такъ думаютъ наши враги, и такъ они должны думать, видя, что несмотря на капиталистическую индустріализацію и прогрессъ соціализма, по словамъ Фридриха Нитше: „Покойники управляютъ живыми.“ Важнѣйшая цѣль войны нашихъ враговъ, демократизація Германіи, будетъ осуществлена!

Бисмаркъ.

Подобно Наполеону, Бисмаркъ любилъ борьбу какъ самоцѣль. Но какъ государственный человѣкъ онъ избѣгалъ новыхъ войнъ, безсмысленность которыхъ онъ признавалъ. Онъ довольствовался безкровными сраженіями. За его быстрыми послѣдовательными побѣдами надъ Христіаномъ, Францъ Іосифомъ и Наполеономъ наступила очередь Арнима, Ція и Августа. Но и этого ему было мало. Горчаковъ, считавшій себя болѣе великимъ его постоянно сердилъ. Конфликтъ былъ доведенъ почти до самой войны — даже до отобранія салонъ-вагона. Такъ зародился несчастный Тройственный Союзъ. Затѣмъ послѣдовала борьба съ Вильгельмомъ, въ которой былъ побѣжденъ болѣе сильный, какъ Наполеонъ — Александромъ.

Политическіе союзы на жизнь и на смерть возможны лишь въ формѣ союзныхъ государствъ, а не въ формѣ союзовъ между государствами. Послѣдніе тѣмъ опаснѣе, чѣмъ слабѣе союзникъ. Такого союза Бисмаркъ никогда не имѣлъ въ виду.

Съ англичанами онъ обращался бережно; онъ зналъ, что этого требуетъ благоразуміе. Къ престарѣлой Викторіи Бисмаркъ относился съ особеннымъ уваженіемъ, несмотря на его ненависть къ ея дочери и политической англоманіи; онъ ухаживалъ за ученымъ Биконсфильдомъ (Beaconsfield) и за опытнымъ Салисьбери (Salisbury); и даже своеобразный Гладстонъ (Gladstone), котораго онъ не терпѣлъ, въ сущности не могъ на него пожаловаться.

Ультиматумъ Сербіи былъ кульминаціоннымъ пунктомъ политики Берлинскаго Конгресса, кризиса въ Босніи и Лондонской Конференціи, и все же тогда было еще время къ отступленію.

Мы благополучно достигли того, чего должны были больше всего избѣгать — разрыва съ Россіей и Англіей.

Наше будущее.

Нынѣ, послѣ двухлѣтней войны, не подлежитъ больше сомнѣнію, что мы не можемъ ни надѣяться на безусловную побѣду надъ русскими, англичанами, французами, итальянцами, румынами и американцами, ни разсчитывать повергнуть нашихъ противниковъ, но мы можемъ заключить компромиссный миръ, если согласимся очистить занятыя территоріи, владѣніе которыми было бы для насъ лишнимъ бременемъ и источникомъ слабости и влекло бы за собою опасность новой войны.

Поэтому слѣдовало избѣгать всего того, что могло бы помѣшать убѣжденію тѣхъ группъ непріятеля, которыхъ (какъ напр. британскихъ радикаловъ и русскихъ реакціонеровъ) еще можно склонить къ идеѣ мира по соглашенію. Уже изъ за одного этого польскій проектъ также неудаченъ какъ и всякое посягательство на бельгійскія права или казнь британскихъ гражданъ, не говоря уже о безумной подводной войнѣ.

Наше будущее на водѣ. Вѣрно, значитъ не въ Польшѣ и Бельгіи, не во Франціи и въ Сербіи. Стремленіе туда означаетъ возвращеніе къ священной Римской Имперіи, къ заблужденіямъ Гогенштауфеновъ и Габсбурговъ. Это есть политика Плантагенетовъ, а не политика Дрэка, Раллея, Нельсона и Родса. Политика Тройственнаго союза возвращаетъ къ прошлому и отвлекаетъ отъ будущаго, отъ имперіализма, отъ міровой политики. Средняя Европа, это средніе вѣка, Берлинъ-Багдадъ это тупикъ, а не открытая дорога къ неограниченнымъ возможностямъ, къ міровой Миссіи нѣмецкаго народа.

Я не врагъ и не противникъ ни Австріи или Венгріи ни Италіи или Сербіи ни какого либо другого государства, я врагъ только политики Тройственнаго союза, которая насъ отвлекаетъ отъ нашихъ цѣлей и ведетъ насъ по наклонной плоскости континентальной политики. Это не политика Германіи, а частная политика Австро-Венгерской династіи. Австрійцы привыкли разсматривать союзъ какъ ширмы, за которыми они могли дѣлать набѣги на Ближній Востокъ, всякій разъ когда хотѣли.

Какого же результата можемъ мы ожидать отъ этой борьбы народовъ? Соединенные Штаты Африки сдѣлаются британскими, какъ и Штаты Америки, Австраліи и Океаніи. И, какъ я пред-

сказывалъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ, латинскія европейскія государства вступятъ съ Соединеннымъ Королевствомъ въ такія же отношенія, какъ и ихъ латинскія сестры въ Америкѣ съ Соединенными Штатами. Надъ нами будетъ господствовать англо-саксъ. Истощенная войной Франція еще тѣснѣе прильнетъ къ Великобританіи; съ теченіемъ времени не устоитъ и Испанія.

Въ Азіи русскіе и японцы расширятъ свои границы и распространятъ свои обычаи, югъ же останется за англичанами.

Міръ будетъ принадлежать Англо-Саксамъ, Русскимъ и Японцамъ, а Нѣмецъ останется съ Австро-Венгріей. Его господство будетъ господствомъ мысли и торговли, а не бюрократовъ и солдатъ. Онъ появился слишкомъ поздно, и міровая война уничтожила послѣднюю возможность нагнать упущенное — основать колоніальное государство.

Мы не вытѣснимъ сыновей Ихве, и исполнится планъ великаго Родса, который видѣлъ спасеніе человѣчества въ расширеніи британства (Britondom) — въ британскомъ Имперіализмѣ.

Tu regere imperio populos, Romane, memento.
Hae tibi erunt artes: pacisque imponere morem,
Parcere subjectis et debellare superbos.

С.К.

32

Цѣна 50 коп.